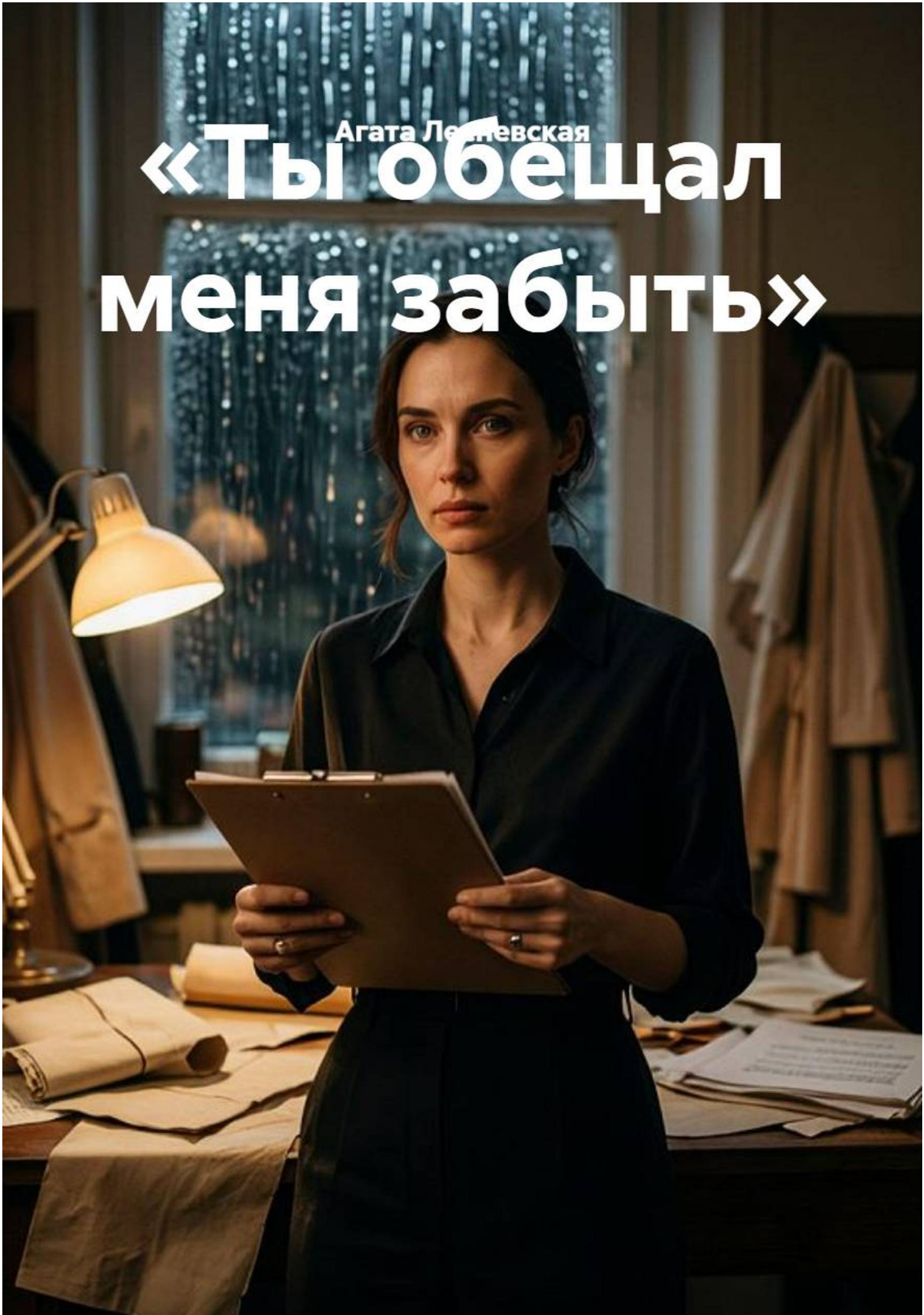

Агата Лесневская
«Ты обещал
меня забыть»

Агата Лесневская

«Ты обещал меня забыть»

«Автор»
2026

Лесневская А.

«Ты обещал меня забыть» / А. Лесневская — «Автор», 2026

Ты обещал меня забытьПять лет назад жених Алисы Воронцовой исчез за день до свадьбы, прислав одно сообщение: «Не ищи меня. Прости». С тех пор она похоронила отца и осталась с долгами и ателье, которое едва держится.Но в дождливый вечер Максим возвращается с папкой отцовских документов и просьбой не отдавать их никому. Договоры с подписями, которых отец не ставил. Заброшенный комбинат. Жёлтая комната, которой Алиса не помнит, но которая снится ей.Чем глубже она копает, тем яснее: в этой истории каждый кого-то подменил, что-то скрыл или кого-то спас ценой чужой правды. А человек, которого она любила, возможно, не тот, за кого себя выдаёт. Или их двое.Что страшнее: узнать правду или остаться с ложью, в которой было тепло?Роман о любви, пережившей предательство, и о цене ответов.

© Лесневская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пять лет назад 5
Глава 1. Чужой человек 8
Глава 2. Бумаги, которые не должны были сохраниться 16
Глава 3. Человек, который не ушёл 23
Глава 4. Старый комбинат 29
Глава 5. Цена молчания 38
Глава 6. Человек у окна 47
Глава 7. Камера номер четырнадцать 54
Глава 8. Чужая фамилия 64
Глава 9. Семь часов до правды 72
Глава 10. Под чужой подписью 80
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Агата Лесневская
«Ты обещал меня забыть»

Пролог. Пять лет назад

В тот вечер Алиса Воронцова впервые поняла, что человек может разбить тебе сердце, даже не прикоснувшись к тебе.

Достаточно одного сообщения.

Она стояла посреди свадебного салона, придерживая ладонью тяжёлую юбку платья. Белый шёлк мягко струился к полу, кружево на рукавах казалось почти прозрачным, а в высоком зеркале отражалась девушка, которую Алиса с трудом узнавала.

Слишком взрослая для своих двадцати трёх лет. Слишком счастливая для человека, которому ещё предстояло узнать, насколько быстро счастье превращается в воспоминание.

— Алиса, милая, посмотри на меня, — попросила портниха, поправляя фату. — Ты ведь довольна?

— Очень.

Ответ прозвучал автоматически.

Алиса улыбнулась своему отражению. Завтра она станет женой Максима Лаврова. Завтра они распишутся в маленьком зале городского дворца бракосочетаний, потом поедут к её отцу в мастерскую, где тот наверняка устроит очередной спор о том, что нельзя доверять ресторанным поварам и что настоящий праздничный стол должен начинаться с домашнего пирога.

Вечером они с Максимом собирались уехать к морю. Всего на неделю, но Алисе казалось, что впереди у них целая жизнь, в которой хватит места всему: путешествиям, детям, шумным воскресным завтракам и тихим ночам, когда можно лежать рядом, слушать дыхание друг друга и никуда не спешить.

Телефон завибрировал на столике.

Алиса обернулась.

Сообщение пришло с номера Максима.

Она открыла его, ещё улыбаясь.

«Не ищи меня. Я не приеду. Прости».

Несколько секунд Алиса просто смотрела на экран.

Потом перечитала.

И ещё раз.

— Что случилось? — спросила портниха.

Алиса не ответила.

Она набрала номер Максима.

Гудок.

Второй.

Третий.

На четвёртом звонок оборвался.

Она позвонила снова.

На этот раз телефон оказался выключен.

— Алиса?

Девушка медленно опустила руку.

— Он опаздывает, — произнесла она. — Наверное, что-то случилось.

Она сказала это так уверенно, будто могла заставить слова стать правдой.

Через двадцать минут она уже стояла на улице, не обращая внимания на мелкий дождь. Фата лежала в сумке, платье было спрятано под длинным пальто, а такси мчало её к квартире Максима.

Дверь открылась не сразу.

На пороге появился его сосед, сонный мужчина в растянутой футболке.

— Максим? — спросила Алиса, не поздоровавшись.

— Уехал.

— Куда?

— Не знаю. Вещи собрал. Вчера вечером, кажется.

Алиса ощутила, как земля под ногами слегка накренилась.

— Какие вещи?

Сосед пожал плечами.

— Чемодан видел. И коробки какие-то. Слушай, ты кто ему?

Вопрос оказался настолько нелепым, что Алиса едва не рассмеялась.

Кто она ему?

Невеста.

Женщина, которая знала, как он морщит нос, когда пьёт слишком горячий кофе. Которая помнила, как он боялся грозы в детстве, хотя никогда в этом не признавался. Которая хранила в ящике комода его старые письма, а в телефоне — фотографию, где он спал, положив голову ей на колени.

Женщина, с которой он должен был пожениться завтра.

— Никто, — сказала она.

И ушла.

Она не плакала в такси. Не плакала, когда снимала свадебное платье. Не плакала, когда отец, увидев её бледное лицо, спросил, почему она вернулась одна.

Она даже смогла объяснить, что свадьбы не будет.

Только когда отец обнял её за плечи и сказал: «Ничего, дочка. Переживём», — Алиса уткнулась лицом в его рубашку и разрыдалась.

В ту ночь она удалила фотографии.

Наутро сняла кольцо.

Через неделю перестала отвечать на вопросы знакомых.

А через месяц поняла, что самое страшное — не то, что Максим ушёл.

Самое страшное заключалось в том, что он не дал ей ни единого шанса понять почему.

Она пыталась ненавидеть его.

Иногда даже получалось.

А потом наступала ночь, и она вспоминала, как он прижимал её ладонь к своей груди, чтобы она чувствовала его сердцебиение.

— Если однажды мы потеряем друг друга, — говорил он тогда, — я всё равно тебя найду.

Алиса поверила ему.

Это было её главной ошибкой.

Пять лет спустя она научится жить без него.

Научится улыбаться, работать, платить по счетам и не вздрагивать от знакомых мелодий.

Она почти забудет звук его голоса.

Почти убедит себя, что больше не ждёт объяснений.

Но однажды утром на пороге её мастерской появится мужчина в тёмном пальто.

И Максим Лавров посмотрит на неё так, словно эти пять лет не существовали.

— Здравствуй, Алиса.

Она не ответит сразу.

Потому что некоторые обещания невозможно простить.

Даже если человек возвращается, чтобы сдержать их.

Глава 1. Чужой человек

Дождь начался в четыре утра и к восьми не собирался заканчиваться.

Он барабанил по жестяному козырьку над входом, стекал по старым оконным рамам и собирался в лужи у крыльца. Вода просачивалась в трещину возле водосточной трубы, которую Алиса обещала заделать ещё прошлой осенью.

Она обещала многое.

Например, разобрать коробки с отцовскими бумагами. Перекрасить стены в приёмной. Найти деньги на новую швейную машину. Перестать задерживаться до полуночи.

И, конечно, перестать ждать, что однажды отец войдёт в мастерскую, стряхнёт с плеч снег и скажет, что у неё совершенно неправильно развешаны инструменты.

Ничего из этого не было сделано.

Алиса стояла у раскроечного стола и пыталась разобраться с заказом, который следовало сдать ещё вчера.

На столе лежали два куска тёмно-синей ткани, мел, сантиметровая лента и распечатка с размерами. Клиентка хотела вечернее платье к субботе, причём непременно такое, чтобы оно скрывало живот, подчёркивало талию, делало ноги длиннее и при этом выглядело так, будто его сшили исключительно для неё.

Алиса перечитала пожелания и вздохнула.

— Ещё бы оно само за тобой бегало, — пробормотала она.

— Не разговаривай с тканью. Она обижается.

Алиса подняла голову.

В дверях стояла Марина, её единственная постоянная помощница. На ней был ярко-жёлтый дождевик, волосы торчали во все стороны, а в руках она держала два бумажных стаканчика кофе.

— Доброе утро, — сказала Марина. — Ты спала?

— Конечно.

— Сколько?

— Достаточно.

— Алиса.

— Два часа.

— Я так и знала.

Марина сняла дождевик, повесила его на крючок и поставила кофе рядом с выкройкой.

— Сегодня ты уходишь в шесть.

— У меня примерка в семь.

— Перенеси.

— Клиентка улетает завтра.

— Тогда пусть улетает в платье, которое не требует от тебя смерти.

Алиса невольно улыбнулась.

Марина умела говорить неприятные вещи так, что на них невозможно было обидеться. Они познакомились три года назад, когда Алиса искала человека, способного отличить оверлок от обычной швейной машины, и с тех пор Марина успела стать одновременно сотрудницей, подругой, строгой надзирательницей и единственным человеком, который мог безнаказанно заглядывать в её холодильник.

— Как там крыша? — спросила Марина.

— Мокрая.

— Какой неожиданный результат дождя.

— Я сегодня вызову мастера.

— Ты говорила это в понедельник.

— Сегодня уже другой понедельник.

— Алиса!

— Ладно, ладно. Позвоню.

Марина села на высокий табурет и оглядела помещение.

Мастерская занимала первый этаж старого кирпичного дома на окраине города. Раньше здесь был магазин тканей, потом ремонт обуви, а после того, как отец Алисы выкупил помещение, оно превратилось в небольшую мастерскую по ремонту и пошиву одежды.

В глубине стояли три швейные машины. У стены — манекены, обтянутые хлопчатобумажными чехлами. На полках теснились катушки ниток, коробки с пуговицами, ленты, молнии и всякие мелочи, без которых невозможно было сшить даже самое простое платье.

Всё выглядело немного усталым.

Как и сама Алиса.

Но здесь было тепло. Пахло кофе, тканью и древесной пылью. Здесь каждая вещь находилась на своём месте, даже если это место определялось исключительно привычкой.

Алиса любила мастерскую.

Иногда ей казалось, что она любит её больше, чем собственную жизнь.

— Тебе звонили из банка? — спросила Марина.

Улыбка исчезла с лица Алисы.

— Вчера.

— И?

— Ничего нового.

— Они опять хотят пересмотреть график?

— Они хотят, чтобы я заплатила то, чего у меня нет.

Марина сжала губы.

Долги отца не исчезли после его смерти. Они словно пережили его, устроились в мастерской, научились открывать ящики и каждый месяц напоминали Алисе о себе новым письмом, звонком или требованием.

Сначала она верила, что всё удастся уладить. Продала машину отца, часть оборудования, старые часы, которые он получил от деда. Потом взяла кредит, надеясь, что сезон свадебных заказов поможет выровнять положение.

Не помог.

В прошлом месяце банк прислал уведомление о просрочке.

На этой неделе ей звонили уже трижды.

— Может, всё-таки обратиться к юристу? — осторожно предложила Марина.

— На юриста тоже нужны деньги.

— Есть бесплатные консультации.

— Марин, я разберусь.

Она произнесла это слишком резко.

Марина помолчала, затем придвинула к ней кофе.

— Хорошо. Только не делай вид, что ты одна против всего мира.

Алиса отвернулась к ткани.

Ей не нравилось, когда о ней заботились.

Не потому, что она не нуждалась в заботе. Наоборот, иногда ей хотелось, чтобы кто-нибудь просто пришёл, отобрал у неё телефон, заставил лечь спать и сказал, что завтра мир не рухнет.

Но пять лет назад она усвоила простую вещь: рассчитывать можно только на себя.

Люди уходят.

Обещания остаются словами.

А счета приходят независимо от того, разбито у тебя сердце или нет.

В девять без десяти зазвонил дверной колокольчик.

Алиса не сразу обернулась.

— Если это курьер, скажи, что мы ничего не заказывали, — попросила она. — Я не собираюсь платить за очередной набор ножниц, который кто-то перепутал с нашим.

Марина поднялась.

— Я сама.

Послышались шаги, короткое приветствие, затем тишина.

Не обычная тишина маленькой мастерской, когда человек рассматривает витрину или снимает мокрый зонт.

Другая.

Такая, от которой у Алисы неприятно стянуло живот.

— Алиса, — позвала Марина.

Что-то в её голосе заставило Алису отложить мел.

— Что?

— Тебя спрашивают.

— Кто?

Марина не ответила.

Алиса вытерла руки о полотенце и вышла из-за стола.

Мужчина стоял возле входа, спиной к двери.

На нём было тёмное пальто, мокрое на плечах. В одной руке он держал кожаную папку, в другой — сложенный зонт. Волосы стали короче, чем она помнила, а на висках появилась едва заметная седина.

Он был старше.

Конечно, он был старше. Пять лет не проходят бесследно ни для кого.

Но Алиса узнала его раньше, чем он обернулся.

Узнала по линии плеч. По привычке чуть наклонять голову, когда он слушал. По тому, как он держал пальцы на ручке папки, словно мысленно пересчитывал что-то невидимое.

Её тело узнало его раньше разума.

Сердце ударило так сильно, что на мгновение она перестала слышать дождь.

Мужчина повернулся.

Максим Лавров.

Человек, которого она пыталась забыть тысячу раз.

Человек, чьё имя она запрещала себе произносить.

Человек, которому она когда-то отдала всё, что умела отдавать, — без страховки, без оговорок, без права на возвращение.

Он смотрел на неё.

И в его глазах не было ни улыбки, ни привычной уверенности, ни того лёгкого прищура, который раньше заставлял её смеяться ещё до того, как он успевал сказать что-нибудь смешное.

Только усталость.

И что-то ещё, чему Алиса не собиралась давать название.

— Здравствуй, Алиса.

Она почувствовала, как пальцы сжались в кулаки.

Пять лет.

Пять лет она представляла эту встречу.

Иногда воображала, что он появится на улице, и она пройдёт мимо, даже не повернув головы. Иногда — что он придёт просить прощения, а она заставит его выслушать всё, что накопилось у неё за эти годы.

В самых жестоких фантазиях она видела его несчастным.

В самых слабых — обнимала.

Ни один вариант не предусматривал, что он просто скажет «здравствуй».

Будто они встретились после долгой командировки.

Будто не было свадебного платья.

Будто не было пустого места рядом с ней в самый важный день её жизни.

— Ты ошибся дверью, — произнесла Алиса.

Голос оказался спокойнее, чем она ожидала.

Максим медленно опустил папку.

— Нет.

— Тогда у тебя плохо с памятью. Я не принимаю посетителей без записи.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Запишись.

— Алиса…

— Следующий свободный час у меня через три недели. Если повезёт.

Марина переводила взгляд с одного на другого. Она явно пыталась понять, что происходит, но не вмешивалась.

Максим не отвёл глаз.

— Я знаю, что ты не хочешь меня видеть.

— Наконец-то хоть чему-то научился.

Он принял удар без возражений.

Это почему-то разозлило её ещё сильнее.

Раньше Максим всегда отвечал. Мог спорить, шутить, упрямиться. Если Алиса сердилась, он не пытался пересидеть её гнев в тишине, а оставался рядом, пока она не выговорится.

Теперь он стоял перед ней чужим человеком, который, казалось, заранее согласился на любое наказание.

— Уходи, — сказала она.

Максим посмотрел на папку.

— Речь о твоём отце.

Алиса замерла.

Дождь за окном вдруг стал громче.

— Не смей, — тихо произнесла она.

— Я понимаю, как это звучит.

— Нет. Не понимаешь.

— Алиса, я…

— Ты не имеешь права приходить сюда и произносить его имя так, будто знаешь, что со мной было после его смерти.

Она шагнула к нему.

— Ты не знаешь, как я сидела в больничном коридоре, пока врачи пытались объяснить, почему у него остановилось сердце. Не знаешь, как я разбирала его кабинет, находила незаконченные заказы, неоплаченные счета и записки, в которых он напоминал себе купить мне любимый чай. Ты не знаешь, как я каждый день приходила сюда и ждала, что сейчас он откроет дверь и спросит, почему я опять оставила ножницы не на месте.

Максим побледнел.

— Я знаю, что ты потеряла его.

— Нет. Ты знаешь факт. А это не одно и то же.

Он опустил глаза.

И впервые за всё время Алиса заметила, что его правая рука слегка дрожит.

Раньше она знала каждый его жест. Могла по одному движению определить, что он нервничает, сердится или пытается скрыть боль.

Теперь она не хотела ничего определять.

Не хотела понимать.

Не хотела снова становиться человеком, который ищет оправдания тому, кто однажды уничтожил её доверие.

— Уходи, Максим.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

Это оказалось неожиданно.

Она ждала, что он начнёт убеждать её. Попросит хотя бы пять минут. Скажет, что приехал издалека, что это важно, что она должна выслушать его.

Но Максим просто развернулся к двери.

И именно тогда Алиса увидела бумагу, выглядывавшую из-под клапана папки.

На верхнем листе стояла печать банка.

Ниже — название мастерской.

А ещё ниже — фамилия её отца.

Сергей Воронцов.

Алиса ощутила, как холод медленно поднимается от живота к груди.

— Подожди.

Максим остановился.

Она подошла к нему и выхватила папку прежде, чем успела передумать.

— Что это?

— Документы.

— Я умею читать. Что за документы?

— По задолженности мастерской.

Она подняла на него глаза.

— Откуда они у тебя?

Максим помолчал.

Эта пауза оказалась хуже любого ответа.

— Откуда они у тебя? — повторила Алиса.

— Я занимаюсь делом, связанным с кредиторами твоего отца.

— Ты юрист?

— Нет.

— Тогда кем ты занимаешься?

— Я не могу объяснить всё здесь.

Алиса усмехнулась, хотя ей совсем не хотелось смеяться.

— Разумеется. Пять лет назад ты тоже не мог ничего объяснить.

Максим вздрогнул.

Вот теперь она увидела в нём что-то знакомое.

Боль.

Не показную, не предназначенную для чужих глаз.

Но Алиса слишком хорошо знала, как опасно принимать чужую боль за доказательство любви.

— Я пришёл не за прощением, — сказал он.

— Хорошо. Потому что его у меня нет.

— Я пришёл, потому что твой отец оставил документы, которые могут изменить всё, что ты знаешь о его смерти.

Алиса перестала дышать.

На секунду мастерская словно отодвинулась от неё. Исчезли машины, полки, мокрые следы на полу. Остались только слова, которые она никак не могла совместить друг с другом.

— Повтори.

— В деле есть несоответствия.

— В каком деле?

— В документах о его долгах. И в обстоятельствах его смерти.

Она смотрела на Максима, пытаясь уловить хоть малейший признак лжи.

— Ты хочешь сказать, что мой отец не умер естественной смертью?

— Я пока ничего не утверждаю.

— Тогда зачем ты пришёл?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что вчера я получил копию документа, подписанного твоим отцом за три дня до смерти. И в нём есть твоё имя.

Алиса медленно перевела взгляд на папку.

Пальцы вдруг стали холодными.

— Что это за материалы? — спросила она.

— Я пытаюсь выяснить.

— Почему ты?

Максим молчал.

Алиса подняла голову.

— Почему именно ты, Максим?

Он выглядел так, будто готовился к этому вопросу все пять лет и всё равно не нашёл ответа, который смог бы произнести вслух.

— Потому что твой отец обратился ко мне незадолго до смерти.

— Нет.

— Алиса…

— Нет.

Она отступила на шаг.

— Ты лжёшь.

— Я хотел рассказать тебе раньше.

— Когда? Пять лет назад? В день моей свадьбы? Или в тот момент, когда ты собрал вещи и исчез, оставив меня одну объяснять всем, почему мужчина, которого я собиралась назвать мужем, даже не удосужился прийти?

— Я не мог остаться.

— Все могут уйти, Максим. Это ты доказал лучше всех.

Он закрыл глаза.

И на этот раз, когда заговорил, в его голосе впервые появилась злость.

— Ты думаешь, я не знаю, что сделал?

— Я думаю, что тебе было удобно ничего не объяснять.

— Ты не представляешь, чего мне это стоило.

— А ты не представляешь, сколько мне стоило пережить твоё отсутствие.

Они смотрели друг на друга через несколько шагов, и между ними лежали пять лет — тяжёлых, невидимых, заполненных словами, которых никто так и не произнёс.

Марина тихо вышла из мастерской в подсобку.

Алиса почти не заметила этого.

— Оставь документы, — сказала она. — И уходи.

Максим положил папку на стол.

— Я оставлю копии. Оригиналы пока у меня.

— Я сказала — оставь.

— Оригиналы могут понадобиться следствию.

— Какому следствию?

Он замолчал.

Алиса медленно повернулась к нему.

— Максим.

Он посмотрел на неё.

— Я подал заявление о проверке обстоятельств смерти твоего отца.

Она почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Без моего согласия?

— Для подачи заявления оно не требуется.

— Ты решил, что имеешь право снова вмешиваться в мою жизнь?

— Нет. Я решил, что больше не могу молчать.

— Как благородно.

Она засмеялась коротко и резко.

— Знаешь, что самое смешное? Я ведь когда-то думала, что ты спасёшь меня от всего на свете.

— Алиса…

— А потом выяснилось, что спасать меня нужно было от тебя.

Она положила документ на стол и указала на дверь.

Максим постоял ещё секунду.

Потом забрал зонт.

— Я не прошу тебя мне верить, — сказал он. — Но, пожалуйста, не уничтожай эти бумаги и не отдавай их никому, кто предложит быстро закрыть долги.

— Почему?

— Потому что кто-то очень хочет, чтобы мастерская перестала существовать.

Он вышел.

Дверь закрылась с негромким звоном колокольчика.

Алиса осталась стоять возле стола.

Она смотрела на документ, но буквы расплывались перед глазами.

Через минуту из подсобки вышла Марина.

— Кто это был?

Алиса не ответила.

— Алиса, ты меня пугаешь.

— Максим Лавров.

Марина медленно опустилась на стул.

— Тот самый?

— Тот самый.

— И что ему нужно?

Алиса взяла лист, снова прочитала строчку о материалах, которые отец велел передать лично ей.

— Не знаю.

Это была правда.

Впервые за пять лет она не знала, что делать дальше.

В половине одиннадцатого позвонили из банка.

Алиса разговаривала с сотрудницей около пятнадцати минут. Ей сообщили о просрочке, необходимости внести очередной платёж и возможности урегулировать вопрос в досудебном порядке.

В конце разговора женщина произнесла фразу, которую Алиса услышала уже не в первый раз:

— Мы понимаем ваше положение, но договор есть договор.

Алиса поблагодарила её и положила трубку.

Потом села за раскроечный стол и долго смотрела в одну точку.

Мастерская должна была стать её будущим.

Отец начал дело с одной старой швейной машины и арендованного помещения. Он работал ночами, ездил за тканями в соседние города, принимал заказы у знакомых, а потом у знакомых знакомых. Постепенно появились постоянные клиенты, оборудование, вывеска над входом.

Он никогда не называл себя предпринимателем.

— Я просто умею делать так, чтобы вещь сидела как надо, — говорил он.

После его смерти Алиса поклялась, что сохранит мастерскую.

Она не могла сохранить отца.

Но могла сохранить то, что он создал.

И теперь какой-то неизвестный кредитор, банк и мужчина, который когда-то обещал любить её всю жизнь, словно сговорились отнять у неё последнее место, где она ещё чувствовала себя дома.

— Я ненавижу его, — произнесла Алиса.

— Кого именно? — спросила Марина из-за машины.

Алиса задумалась.

— Пока не решила.

Марина не стала задавать новых вопросов.

Вместо этого она принесла из подсобки коробку с бумагами, которую Алиса несколько месяцев собиралась разобрать.

— Что это? — спросила Алиса.

— Архив твоего отца. Ты просила меня перенести его поближе к столу, чтобы не таскать каждый раз из кладовой.

Алиса посмотрела на коробку.

Она была старой, картонной, с надорванным краем. На крышке отцовским почерком было написано: «Документы. 2021–2024».

Отец любил подписывать коробки. Говорил, что память — ненадёжная вещь, а бумага, если её не намочить, обычно хранит то, что ей поручили.

Алиса сняла крышку.

Внутри лежали счета, квитанции, гарантийные талоны, старые договоры, записные книжки и несколько конвертов, перевязанных резинкой.

Она начала перебирать бумаги.

Глава 2. Бумаги, которые не должны были сохраниться

К полуночи Алиса успела трижды пожалеть о том, что открыла отцовскую коробку.

Первый раз — когда обнаружила среди счетов договор, в котором фигурировала сумма, вдвое превышавшая ту, о которой она знала.

Второй — когда нашла письмо с фамилией Орлова.

Третий — когда поняла, что больше не сможет закрыть коробку и сделать вид, будто ничего не произошло.

Мастерская давно опустела. За окнами шумел дождь, редкие машины проезжали по мокрой улице, а настенные часы над дверью отмеряли секунды с раздражающей точностью.

Алиса включила настольную лампу и придвинула к себе синюю папку.

Она решила действовать так, как учил отец: не делать выводов, пока не проверены цифры.

В детстве ей казалось, что отец умеет всё. Он мог починить сломанный утюг, заменить дверную петлю, подогнать рукав пиджака и за десять минут превратить испорченный кусок ткани в удачную деталь нового платья. Когда Алиса спрашивала, откуда он знает, что делать, отец отвечал:

«Сначала посмотри, что сломалось. Потом подумай, почему. И только потом хватайся за инструменты».

Она достала блокнот.

На первой странице написала:

Долги. Переводы. Виктор Орлов.

Потом остановилась и добавила четвёртую строчку:

Максим.

Чернила расплылись под ручкой, потому что она слишком сильно надавила на бумагу.

Алиса нахмурилась и перевернула страницу.

Ей не хотелось думать о Максиме. Она не хотела вспоминать, как он стоял у двери, мокрый от дождя, с прежней привычкой держать голову чуть набок. Не хотела вспоминать дрожь в его пальцах или то, как он побледнел, когда она заговорила об отце.

И особенно не хотела думать о том, что он мог говорить правду.

Это означало бы, что человек, которого она считала трусом и предателем, всё-таки вернулся не только ради себя.

Но даже если так, это ничего не меняло.

Максим исчез в тот момент, когда Алиса больше всего нуждалась в нём. Он не оставил адреса, не объяснил причин, не ответил ни на одно из её писем. Она отправила ему три сообщения с разных номеров, потому что сначала решила, будто он потерял телефон. Потом позвонила его матери, которая сухо сообщила, что ничего не знает о сыне и не собирается обсуждать его личную жизнь.

Через несколько месяцев Алиса перестала искать.

Не потому, что разлюбила.

Потому, что устала стучаться в закрытую дверь.

Она достала телефон, открыла поиск и ввела имя Виктора Орлова.

Результаты появились почти мгновенно.

Страница строительной компании. Несколько деловых интервью. Фотографии с благотворительного вечера. Улыбающийся мужчина лет пятидесяти пяти в дорогом костюме, с аккуратно зачёсанными назад волосами и лицом, на котором не задерживалось ни одной лишней эмоции.

Алиса узнала его.

Не сразу, но узнала.

Орлов бывал в мастерской несколько раз, когда отец ещё был жив. Однажды приезжал на чёрном внедорожнике, разговаривал с Виктором за закрытой дверью и ушёл, даже не взглянув на Алису, хотя она тогда сидела в приёмной и заполняла заказ.

Отец после того визита долго молчал.

А когда Алиса спросила, кто это был, ответил:

— Человек, с которым лучше иметь дело только на бумаге.

Она тогда посмеялась.

— Пап, так со всеми деловыми партнёрами.

— Нет, дочка. Не со всеми.

Теперь эти слова звучали совсем иначе.

Алиса открыла страницу компании. Орлов занимался коммерческой недвижимостью, строительством и управлением промышленными площадками. В перечне проектов значились складские комплексы, торговые центры и несколько производственных зданий.

Ничего необычного.

Она вернулась к документам.

Первый договор был заключён между мастерской и некой компанией «Северный контур». Название Алиса видела впервые. В тексте говорилось о поставке оборудования и предоставлении оборотного финансирования. Сумма была крупной — слишком крупной для небольшой мастерской.

Она перевернула страницу.

Договор поручительства.

Подпись отца.

Ещё один лист.

График платежей.

И наконец — банковская выписка, из которой следовало, что часть денег после получения была перечислена не поставщику оборудования, а третьей организации.

Алиса перепроверила реквизиты.

Потом ещё раз.

Она не была бухгалтером, но умела считать. И даже без специальных знаний понимала, что деньги, предназначенные для покупки оборудования, ушли в неизвестном направлении.

На полях отец написал: «Не соответствует условиям договора».

Ниже стояла дата.

За четыре месяца до его смерти.

Алиса откинулась на спинку стула.

В голове возникло сразу несколько вопросов, и каждый был хуже предыдущего.

Зачем отец подписал договор на такую сумму?

Почему она ничего об этом не знала?

Куда ушли деньги?

И почему он не обратился за помощью раньше?

Она взяла следующую папку.

Внутри обнаружились счета, переписка и несколько копий писем. Некоторые были напечатаны на обычной бумаге, другие — на бланках организаций, названия которых Алисе ничего не говорили.

На одном листе она заметила фамилию Лавров.

Рука замерла.

Она медленно развернула документ.

Вверху значилось: «Консультация по правовому сопровождению сделки».

Ниже шли фамилия Максима и номер договора.

Дата стояла за две недели до их свадьбы.

Алиса перечитала её, будто от этого цифры могли измениться.

Максим был связан с делами её отца ещё до того, как исчез.

Он не просто вернулся сегодня с какими-то бумагами. Он уже тогда что-то знал.

Возможно, именно поэтому ушёл.

Алиса тут же одёрнула себя.

Нет.

Она не собиралась превращать догадки в оправдание. Слишком много лет потратила на попытки понять, что произошло между ними. Каждый раз, когда ей казалось, что она нашла разумное объяснение, возникала новая подробность, которая делала всё ещё болезненнее.

Если Максим хотел, чтобы она знала правду, он мог сказать её.

Если не мог — мог хотя бы объяснить, почему уходит.

Он не сделал ни того, ни другого.

И теперь ему придётся отвечать на вопросы, а не ждать, что она сама достроит за него удобную историю.

Алиса сфотографировала документ и положила его в отдельный конверт.

Потом проверила остальные бумаги.

Ближе к часу ночи она обнаружила ещё одну запись отца:

«М. Л. утверждает, что оригиналы находятся у Орлова. Нужно проверить склад».

М. Л.

Максим Лавров.

Склад.

Алиса закрыла глаза.

В памяти всплыл разговор, который она когда-то слышала случайно.

Отец говорил по телефону в кабинете. Алиса тогда принесла ему чай и уже собиралась постучать, но услышала своё имя.

— Нет, — произнёс отец. — Её в это втягивать нельзя.

Пауза.

— Я понимаю, что ты предлагаешь, но она не должна знать, пока мы не проверим документы.

Ещё пауза.

— Максим, я тебе доверяю. Но если ты ошибёшься, пострадает не только мастерская.

Алиса тогда ушла, не дождавшись конца разговора.

Она не стала спрашивать, о чём шла речь. В тот период отец был раздражён из-за поставщика, а Максим занимался какими-то юридическими вопросами. Она решила, что это очередная деловая проблема, которая её не касается.

Теперь Алиса с трудом сглотнула.

Отец доверял Максиму.

И, возможно, Максим знал больше, чем говорил.

Она посмотрела на часы.

Было начало второго.

Разумная часть её требовала закрыть папку, выключить свет и отправиться домой. Утром нужно было закончить платье, позвонить ремонтнику, поговорить с банком и сделать вид, что жизнь по-прежнему состоит из обычных, решаемых задач.

Но Алиса не могла остановиться.

Она перебирала документы, пока не наткнулась на конверт, заклеенный по краям старой пожелтевшей лентой.

На нём не было адреса.

Только её имя.

«Алисе. Если я не успею объяснить».

Почерк был отцовский.

Алиса долго не решалась открыть конверт.

Она провела пальцем по надписи, вспомнила широкие ладони отца, следы машинного масла на его манжетах, привычку прищуриваться, когда он пытался прочитать мелкий текст без очков.

Потом аккуратно поддела край ленты.

Внутри лежало два листа.

Первый начинался словами:

«Доченька, если ты читаешь это, значит, я не смог рассказать тебе всё сам. Прости меня за это».

Алиса перестала дышать.

Она опустилась на стул и начала читать.

«Я долго думал, стоит ли оставлять тебе эти записи. Мне хотелось уберечь тебя от неприятностей, но я всё больше убеждаюсь, что молчание может оказаться опаснее правды.

Последние месяцы я пытался разобраться с документами по мастерской. Сначала мне казалось, что это обычная ошибка в расчётах. Потом выяснилось, что некоторые платежи проводились без моего согласия, а часть бумаг, которые я подписывал, отличалась от тех, что мне показывали при заключении договора.

Я не знаю, кто именно за этим стоит. У меня есть подозрения, но пока нет доказательств.

Если со мной что-то случится, не соглашайся на быстрый выкуп мастерской. Не подписывай никаких новых обязательств. Найди человека, который сможет проверить все документы независимо.

И, пожалуйста, не вини себя.

Ты ни в чём не виновата».

Алиса остановилась.

В глазах защипало.

Она провела ладонью по лицу, сердясь на себя за то, что плачет. Отец не обвинял её. Он просил не винить себя. Но она вдруг вспомнила все их разговоры последних месяцев.

Как он однажды предложил ей уехать на несколько дней, а она отказалась, потому что нужно было закончить заказ.

Как она раздражалась, когда он забывал выключить свет в кабинете.

Как в последний вечер сказала ему, что он слишком много работает и сам довёл себя до проблем.

Она помнила выражение его лица.

Не обиду.

Усталость.

Теперь Алиса читала дальше.

«Есть ещё кое-что, о чём я не могу написать подробно. Речь о старом складе на территории бывшего текстильного комбината. Там могут храниться оригиналы документов и записи переговоров. Я не уверен, что они всё ещё на месте.

Максим знает, о каком складе я говорю.

Если он придёт к тебе, выслушай его. Но не доверяй ему только потому, что когда-то любила.

Пусть сначала покажет, что именно он знает».

Алиса отложила письмо.

Она не заметила, как встала.

Несколько секунд просто ходила по мастерской, словно пыталась найти место, где можно было бы поставить эту правду и оставить её там.

Отец знал.

Он знал, что Максим может вернуться.

Он знал, что между ними что-то произошло.

И всё равно написал, что Алиса должна выслушать его.

Но не доверять.

Алиса снова посмотрела на конверт.

На дне лежал маленький ключ, прикреплённый к бумажке с цифрами.

17-Б.

Она взяла его и сжала в ладони.

Металл был холодным.

Впервые за пять лет ей показалось, что прошлое не просто вернулось.

Оно всё это время ждало её за закрытой дверью.

Утром Алиса пришла в мастерскую раньше обычного.

Она почти не спала. Несколько раз просыпалась от того, что ей снился отец, сидящий в кабинете над бумагами. Он поднимал голову, хотел что-то сказать, но каждый раз сон обрывался прежде, чем она успевала услышать его голос.

В семь двадцать она уже сидела за столом и смотрела на ключ.

Марина пришла в половине восьмого, увидела её лицо и остановилась у двери.

— Ты вообще домой уходила?

— Да.

— И спала?

— Немного.

Марина поставила сумку на стул.

— Сколько?

— Марина, не начинай.

— Я ещё даже не начала.

Алиса пододвинула к ней конверт.

— Прочитай.

Марина села и стала читать письмо молча. По мере того как она продвигалась по строчкам, её лицо становилось всё серьёзнее.

Когда она закончила, некоторое время не говорила ничего.

— Ты думаешь, это правда? — наконец спросила она.

— Это написал мой отец.

— Я не о нём. Я о том, что документы подделывали. Что кто-то мог специально загнать его в долги.

— Не знаю.

— А этот склад?

Алиса положила на стол ключ.

— Похоже, отец оставил его мне.

Марина посмотрела на цифры.

— Ты собираешься туда ехать?

— Да.

— Одна?

— Да.

— Даже не обсуждается.

— Марин…

— Нет. Ты можешь сколько угодно изображать женщину, которая справляется со всем сама, но я поеду с тобой.

Алиса хотела возразить, но не смогла.

Возможно, потому, что Марина была права.

Возможно, потому, что ей самой было страшно.

Она снова открыла письмо и перечитала последнюю строчку:

«Пусть сначала покажет, что именно он знает».

Максим.

Алиса взяла телефон.

Она не сохранила его новый номер, но он оставил визитку вместе с копиями документов. На белом прямоугольнике были напечатаны имя, номер и адрес офиса.

Она набрала номер.

Гудки тянулись долго.

Алиса уже решила, что он не ответит, когда в трубке раздался знакомый голос.

— Да?

Она ненавидела то, как мгновенно его голос возвращал её в прошлое.

— Это я.

На другом конце провода наступила тишина.

— Алиса?

— Нет, королева Англии. Конечно, я.

Он тихо выдохнул.

— Я рад, что ты позвонила.

— Не обольщайся. У меня вопросы.

— Я отвечу.

— Ты знаешь про старый склад на территории текстильного комбината?

Пауза.

Слишком длинная.

— Откуда ты узнала?

— Значит, знаешь.

— Алиса, не езжай туда одна.

Она усмехнулась.

— Вот с этого мы и начнём. Ты пять лет не имел никакого отношения к моей жизни, а теперь решил раздавать распоряжения?

— Я не распоряжаюсь.

— Тогда ответь на вопрос.

— Да. Я знаю этот склад.

— Что там?

— Не могу сказать по телефону.

— Разумеется.

— Это не попытка что-то скрыть от тебя. Я просто не знаю, кто может прослушивать разговоры.

Алиса замолчала.

Он не мог видеть её лица, но она почти физически почувствовала, как меняется его дыхание.

— Послушай, — сказал Максим. — Я понимаю, что ты мне не доверяешь. И не жду, что ты начнёшь. Но если ты нашла письмо Виктора, значит, у нас гораздо меньше времени, чем я думал.

— Почему?

— Потому что Орлов тоже ищет эти документы.

— Откуда ты знаешь?

— Он звонил мне вчера вечером.

— И что сказал?

— Что мне следует прекратить расследование.

— А ты?

— Отказался.

Алиса посмотрела на ключ.

— Я хочу увидеть склад.

— Хорошо.

— Сегодня.

— Хорошо.

— И ты поедешь со мной.

Максим не ответил сразу.

— Если ты уверена.

— Не путай моё решение с доверием к тебе.

— Не путаю.

— И ещё, Максим.

— Да?

Она сжала телефон.

— Если ты хоть раз попытаешься скрыть от меня что-то важное, я уйду. И на этот раз ты больше никогда меня не найдёшь.

В трубке было тихо.

Потом он произнёс:

— Я понимаю.

Алиса сбросила вызов.

Марина смотрела на неё с таким выражением, будто только что увидела, как человек добровольно входит в горящий дом.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

Алиса убрала телефон в карман.

— Нет.

Она поднялась, взяла ключ и спрятала его в сумку.

— Но я больше не собираюсь жить в неведении.

За окном дождь наконец закончился.

Над мокрой улицей проступило бледное осеннее солнце, и на мгновение мастерская показалась почти такой, какой была при отце: тёплой, спокойной, полной обычных забот.

Алиса посмотрела на его письмо в последний раз.

Потом аккуратно сложила листы и убрала их в конверт.

Она ещё не знала, что на старом складе найдёт не только ответы.

Там её будет ждать доказательство того, что смерть отца могла быть не случайностью.

И тайна, которая объяснит, почему Максим ушёл именно тогда, когда обещал остаться навсегда.

Но прежде ей предстояло узнать, кто из них всех пятерых лет говорил правду.

Глава 3. Человек, который не ушёл

Максим ждал возле мастерской.

Алиса заметила его ещё из окна такси: он стоял у покосившегося забора, засунув руки в карманы тёмного пальто. Утренний ветер трепал полы его одежды, а на мокром асфальте отражались редкие фонари. Он не смотрел на часы и не пытался позвонить ей. Просто ждал, словно был уверен, что она всё равно появится.

Это раздражало сильнее, чем если бы он начал требовать разговора.

— Остановите здесь, — попросила Алиса водителя.

Она расплатилась, вышла и захлопнула дверцу. Холод сразу забрался под воротник пальто. Алиса поправила шарф и направилась к воротам, намеренно не глядя на Максима.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Нет.

— Алиса.

Она остановилась, но не обернулась.

— Ты потерял право произносить моё имя так, будто между нами ничего не произошло.

Несколько секунд он молчал.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Если бы знал, не стоял бы здесь.

Она повернулась. Максим выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, щетина проступила на скулах, а на правой руке темнела свежая ссадина. Раньше Алиса замечала каждую мелочь в его внешности. Могла определить по одному движению плеч, что он не выспался, по тому, как он сжимал челюсть, — что злится, а по короткому взгляду в сторону — что собирается скрыть неприятную правду.

Пять лет она училась не замечать его вовсе.

И всё равно замечала.

— Что случилось с рукой? — спросила она прежде, чем успела себя остановить.

Максим опустил взгляд на костяшки пальцев.

— Ничего серьёзного.

— Я не спрашивала, серьёзное ли это.

— Зацепился за металл.

— Понятно.

Она отвернулась и достала ключи.

— Ты был на складе, — произнёс Максим.

Ключи замерли в её пальцах.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что там опасно.

— Ты следил за мной?

— Нет.

— Тогда откуда?

Он посмотрел на неё так, словно выбирал между двумя ответами и оба ненавидел.

— Я попросил человека проверить, закрыто ли здание после твоего визита.

Алиса медленно повернулась.

— Ты попросил человека?

— Да.

— То есть ты знал, что я туда поеду?

— Я предполагал.

— И решил проверить, не случилось ли со мной чего-нибудь? Как благородно.

— Не надо.

— Что именно? Благодарить тебя? Или напоминать, что пять лет назад ты не удосужился объяснить мне, почему исчез за три дня до свадьбы?

Максим побледнел. Не резко, не театрально — просто лицо словно лишилось последнего тепла.

— Я помню, когда была наша свадьба.

— Правда? А я думала, ты давно забыл.

— Не забыл.

Эти два слова прозвучали слишком тихо.

Алиса ощутила, как внутри что-то болезненно сжалось, но тут же заставила себя вдохнуть.

— Тогда тебе должно быть легко вспомнить, что произошло дальше. Ты не пришёл. Не позвонил. Не объяснил ничего. А через неделю мне сообщили, что мой отец погиб в аварии.

— Алиса…

— Не смей говорить, что тебе жаль.

Он закрыл рот.

Она отвернулась к воротам, вставила ключ в замок и попыталась повернуть. Механизм заело. Алиса дёрнула сильнее, и металл неприятно скрипнул.

— Дай, — предложил Максим.

— Я сама.

— Замок перекосило. Если будешь тянуть, сломаешь ключ.

— Как-нибудь справлюсь.

Он не стал спорить. Только остался рядом, не приближаясь, и наблюдал, как она несколько раз пытается повернуть ключ под другим углом.

Наконец Алиса выругалась себе под нос.

Максим протянул руку, но остановился, не коснувшись её пальцев.

— Можно?

Она хотела отказать. Из принципа, из злости, из страха перед тем, как привычным окажется даже такое простое движение — передать ему ключи и позволить решить маленькую проблему, которую она сама уже не могла решить.

Но замок действительно заедал.

Алиса разжала пальцы.

Максим осторожно вынул ключ, приподнял створку ворот и повернул его в замке. Механизм щёлкнул почти сразу.

— Петля просела, — объяснил он. — Нужно будет укрепить нижнее крепление.

— Я разберусь.

— Я не сомневаюсь.

Он вернул ключ.

И именно это почему-то разозлило её сильнее всего. Максим не пытался навязать помощь. Не произносил привычного «дай, я сделаю». Не вёл себя так, будто за годы разлуки у него сохранились какие-то права на её жизнь.

Он просто помог и отступил.

Будто заранее согласился, что она больше никогда его не подпустит.

— Зачем ты пришёл? — спросила Алиса.

— Хотел убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке.

— Хорошо.

Он повернулся, собираясь уйти.

— И всё? — неожиданно вырвалось у неё.

Максим остановился.

Алиса сама не понимала, чего ждёт. Что он начнёт оправдываться? Расскажет, почему исчез? Назовёт хоть одну причину, которая сможет объяснить пять лет молчания?

Он медленно обернулся.

— Нет, не всё. Но я не буду заставлять тебя слушать то, к чему ты не готова.

— А если я никогда не буду готова?

— Тогда, наверное, ты так и не узнаешь правду.

Она почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Какую правду?

Максим посмотрел на мастерскую, затем снова на неё.

— О твоём отце.

Алиса стиснула ключи так сильно, что острые края впились в ладонь.

— Ты не имеешь права использовать его, чтобы заставить меня разговаривать с тобой.

— Я и не собираюсь.

— Тогда говори.

Он покачал головой.

— Не здесь.

— Конечно. Опять тайны. Опять недосказанность. Ты ничего другого не умеешь?

— Умею. Например, отличать человека, который злится на меня, от человека, которому может угрожать опасность.

— Мне никто не угрожает.

Максим не ответил.

И это молчание сказало больше, чем любые слова.

В мастерской пахло пылью, старым деревом и холодным металлом. Алиса включила свет. Несколько ламп мигнули, прежде чем загореться, осветив длинные верстаки, полки с инструментами и стену, на которой отец когда-то развешивал чертежи.

Она любила это место ещё до того, как научилась понимать, чем здесь занимаются. В детстве ей разрешали сидеть на высоком табурете в дальнем углу, если она обещала не трогать инструменты. Отец работал, насвистывал мелодии без слов и иногда спрашивал её мнение о вещах, которые она не могла даже поднять.

— Как думаешь, получится? — спрашивал он, показывая ей сломанную деталь.

Алиса всегда отвечала утвердительно.

Отец смеялся:

— Ты ещё не знаешь, что именно я собираюсь сделать.

— Но ты же знаешь.

— А если не получится?

— Тогда попробуешь ещё раз.

Он называл её своим маленьким упрямством.

Теперь мастерская принадлежала ей по документам, но казалась чужой. Долги росли, поставщики требовали оплату, а оборудование постепенно приходило в негодность. Несколько недель назад Алиса впервые всерьёз подумала о продаже здания. Не потому, что перестала любить его, а потому, что любовь не помогала платить по счетам.

Она сняла пальто, повесила его на спинку стула и подошла к столу отца.

После смерти он оставил здесь множество бумаг. Большинство относилось к работе: счета, эскизы, накладные, договоры. Но среди них встречались листы, которые Алиса не могла объяснить. На некоторых были номера без названий, на других — даты и короткие пометки, написанные отцовской рукой.

Она достала папку, которую привезла со склада, и положила рядом.

Внутри лежали документы, старая фотография и небольшой диктофон. На снимке отец стоял возле кирпичной стены, а рядом с ним находились двое мужчин. Одного Алиса узнала сразу — Максим. Вторым был Виктор Орлов, человек, который в последние месяцы всё чаще появлялся в её жизни с предложениями помочь закрыть долги мастерской.

Тогда, на фотографии, все трое выглядели спокойными. Отец даже улыбался.

На обороте стояла дата — за четыре дня до аварии.

Алиса снова перевернула снимок.

Четыре дня.

Если фотография была настоящей, Максим видел её отца незадолго до смерти. И никогда не сказал об этом.

Она услышала, как за дверью скрипнула доска.

Алиса резко подняла голову.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Она вышла из-за стола и посмотрела в сторону входа. Дверь была закрыта. За мутным стеклом никого не было видно.

— Максим?

Тишина.

Она подошла к двери и повернула ключ. На улице было пусто. Только ветер гнал по двору сухие листья, а за забором медленно проехала тёмная машина.

Алиса вернулась внутрь и заперла дверь.

Ей не нравилось собственное воображение. Ещё меньше ей нравилось, что за последние сутки оно перестало казаться таким уж воображением.

Она взяла диктофон. На корпусе не было ни названия, ни наклейки, только маленькая царапина возле кнопки воспроизведения. Устройство включилось не сразу. Экран мигнул, показывая несколько файлов с датами.

Алиса выбрала самый старый.

Сначала послышался шум. Затем — отцовский голос.

— Если ты это слушаешь, значит, я не успел всё исправить.

Она перестала дышать.

Голос звучал устало, будто отец записывал сообщение глубокой ночью.

— Я слишком долго убеждал себя, что смогу договориться с Орловым. Он обещал решить вопрос с поставками, помочь с кредитом, закрыть старые обязательства. Я поверил, что у нас общие интересы. Это была ошибка.

Послышался шорох, словно отец передвинул бумаги.

— Если со мной что-нибудь случится, не подписывай ничего, что принесёт Виктор. Ни одного документа. Даже если он будет говорить, что это ради мастерской. Особенно если будет говорить, что это ради мастерской.

Запись оборвалась.

Алиса нажала воспроизведение ещё раз, но услышала только конец фразы и щелчок.

Она посмотрела на документы. Среди них был договор, который Орлов предлагал подписать на прошлой неделе. Он обещал выкупить часть задолженности и дать мастерской ещё несколько месяцев. Взамен Алиса должна была передать ему право распоряжаться частью оборудования и помещением склада.

Тогда предложение показалось ей единственным шансом.

Теперь бумага лежала на столе, словно ловушка, которую она сама едва не захлопнула на себе.

Телефон завибрировал.

Номер был неизвестен.

Алиса не ответила. Через несколько секунд пришло сообщение:

«Нашла диктофон? Значит, уже поздно делать вид, что ты ничего не знаешь».

Она перечитала текст.

Следом пришло второе:

«Не доверяй Орлову».

Третье появилось почти сразу:

«И Лаврову тоже».

Алиса ощутила, как пальцы стали холодными. Она набрала номер, но вызов не прошёл. Телефон сообщил, что абонент недоступен.

Она посмотрела на фотографию. На отца. На Максима. На Виктора Орлова.

Теперь у неё было больше вопросов, чем утром, и ни одного человека, которому можно было бы их задать без риска получить очередную ложь.

Она хотела убрать диктофон в ящик, но заметила, что под ним лежит сложенный вчетверо листок. Бумага была тонкой, пожелтевшей по краям. На ней стояли три слова, написанные отцом:

«Спроси у Максима».

А ниже — адрес старого текстильного комбината и номер склада.

Алиса медленно опустилась на стул.

Максим не просто знал её отца.

Отец сам оставил ей указание обратиться к нему.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить последние дни перед аварией. Отец стал чаще задерживаться на работе, отвечал на звонки за закрытой дверью, а однажды вернулся домой с рассечённой губой. Тогда он сказал, что поскользнулся возле мастерской. Алиса поверила, потому что хотела верить.

Через несколько дней его не стало.

А ещё через три дня должен был состояться её брак с Максимом Лавровым.

Она открыла глаза и снова посмотрела на записку.

Возможно, Максим был частью тайны, которую отец пытался раскрыть.

Возможно, именно поэтому он исчез перед свадьбой.

Но существовала и другая возможность: он знал, что случилось с её отцом, и все эти годы предпочитал молчать.

Алиса взяла телефон и открыла переписку с Максимом. Его номер остался прежним. Она не удаляла его даже тогда, когда сменила почти все контакты и выбросила коробку с приглашениями на свадьбу.

Пальцы зависли над клавиатурой.

Она написала: «Нам нужно поговорить».

Несколько секунд смотрела на сообщение, а потом стёрла его.

Нет.

На этот раз она не собиралась просить его о правде.

Она сама найдёт её.

А если Максим действительно знал больше, чем говорил, ему придётся объяснить, почему он позволил ей пять лет жить с мыслью, что он просто сбежал.

Максим сидел в машине через дорогу от мастерской и смотрел на освещённые окна.

Он обещал себе не вмешиваться. Не появляться без приглашения. Не пытаться снова стать человеком, к которому Алиса обращается за помощью. Она имела право ненавидеть его, и он не собирался отнимать у неё даже это право.

Но когда вечером ему позвонили и сообщили, что кто-то проник в старый склад, он понял: время, которого он так долго ждал, закончилось.

Алиса нашла документы.

Возможно, уже прослушала запись.

Он сжал руль.

Пять лет назад он мог рассказать ей всё. Мог прийти к ней, объяснить, почему не явился на свадьбу, почему исчез и почему не вернулся даже после похорон её отца.

Но тогда ему казалось, что молчание защитит её.

Он ошибся.

И теперь каждая попытка исправить ошибку могла привести к тому, что Алиса узнает не только правду о смерти отца, но и о том, какую роль в той истории сыграл сам Максим.

Телефон завибрировал на пассажирском сиденье.

Сообщение от неизвестного номера.

«Она нашла запись. Если хочешь, чтобы она осталась жива, забери у неё документы».

Максим прочитал сообщение дважды.

Потом посмотрел на мастерскую.

В одном из окон мелькнул силуэт Алисы.

Он завёл двигатель, но не тронулся с места.

Забрать документы означало снова обмануть её. Оставить всё как есть — подвергнуть опасности.

Впервые за пять лет он не знал, какой выбор причинит ей меньше боли.

А затем пришло ещё одно сообщение.

«Ты уже однажды не смог её спасти. Не повторяй ошибку».

Максим ударил ладонью по рулю.

— Чёрт…

Он знал, кто это написал.

И знал, что человек по ту сторону экрана не блефует.

Максим набрал номер, который не использовал несколько месяцев.

— Мне нужна встреча, — сказал он, когда на другом конце ответили.

— Ты поздно спохватился, Лавров.

— Где Орлов?

Собеседник усмехнулся.

— А ты разве не знаешь?

— Я спрашиваю, где он сейчас.

— Тогда слушай внимательно. Орлов уже знает, что Алиса нашла склад. И если ты действительно хочешь защитить её, тебе придётся перестать решать за неё, что ей можно знать.

Связь оборвалась.

Максим ещё несколько секунд держал телефон у уха, затем медленно опустил руку.

За окном погас свет в мастерской.

Алиса собиралась домой.

Он мог поехать следом. Мог снова попытаться предупредить её, объяснить, заставить поверить хотя бы в то, что опасность реальна.

Но он уже достаточно раз выбирал за неё.

На этот раз он должен был рассказать правду.

Всю правду.

Даже ту часть, после которой Алиса, возможно, никогда больше не захочет видеть его.

Глава 4. Старый комбинат

Алиса не спала почти всю ночь.

Она несколько раз прослушала запись отца, переписала адрес со старой записки и попыталась найти в интернете сведения о текстильном комбинате. Когда-то там работали сотни людей, но предприятие закрылось много лет назад. Часть корпусов продали, часть разобрали, а дальние склады остались стоять за высоким бетонным забором.

На старых фотографиях здания выглядели почти величественно: кирпичные стены, высокие окна, металлические фермы под крышей. Теперь, судя по немногочисленным снимкам, там остались выбитые стёкла, ржавые ворота и заросшая дорога.

Алиса могла бы дождаться утра и позвонить Максиму.

Но она не собиралась снова зависеть от его решений.

В семь часов она оделась, убрала в сумку фонарик, перчатки, диктофон и копии найденных документов. Оригиналы оставила дома. Перед выходом она ещё раз проверила замок мастерской и невольно посмотрела на улицу.

Машины Максима не было.

Она не знала, радоваться этому или тревожиться.

— Отлично, — сказала она самой себе. — Значит, сегодня обойдёмся без спасателей.

Сказано было уверенно. Получилось неубедительно.

Старый комбинат находился на окраине города, за железнодорожными путями и заброшенной котельной. Такси высадило Алису возле остановки, откуда ей пришлось идти пешком. Утро было серым и сырым. Низкие облака цеплялись за крыши промышленных зданий, а ветер приносил запах мокрой земли и ржавчины.

За бетонным забором поднимались корпуса бывшего предприятия. Над одним из них ещё сохранились остатки выцветшей вывески, на которой можно было разобрать только несколько букв.

Алиса сверилась с запиской.

Склад номер семнадцать.

Она обошла территорию вдоль забора, пока не заметила узкий проезд между двумя корпусами. Ворота были приоткрыты, а на цепи висел старый навесной замок, который кто-то аккуратно отогнул в сторону.

Это ей не понравилось.

Она остановилась и достала телефон. Связь была, но звонить в полицию без понятного объяснения она не хотела. Пока у неё имелись только диктофон, подозрительные документы и сообщение от неизвестного человека. Этого могло оказаться достаточно для вопросов, но не обязательно для помощи.

Алиса включила камеру и сфотографировала ворота, замок и следы шин на влажной земле.

Затем вошла внутрь.

Двор был завален обломками кирпича и кусками дерева. Между корпусами росли кусты, пробивавшиеся через трещины в бетоне. На стенах темнели следы протечек. Ветер гулял по пустым оконным проёмам, заставляя где-то наверху скрипеть незакреплённый лист металла.

Склад номер семнадцать находился в дальнем ряду.

Номер почти полностью облупился, но его ещё можно было прочитать.

Дверь оказалась заперта.

Алиса потянула ручку. Потом постучала.

— Есть кто-нибудь?

Ответом стала тишина.

Она обошла здание. У боковой стены обнаружилось узкое окно, забранное металлической решёткой. В одном углу кирпичная кладка осыпалась, оставив щель, через которую можно было заглянуть внутрь.

Алиса посветила фонариком.

Внутри стояли деревянные ящики, старые стеллажи и несколько покрытых пылью столов. На полу виднелись свежие следы. Кто-то был здесь недавно.

Она выпрямилась.

— Неужели так трудно было оставить хоть одну нормальную зацепку? — пробормотала она.

— Иногда лучше, когда зацепок нет.

Голос прозвучал за спиной.

Алиса резко обернулась.

У стены стоял мужчина лет пятидесяти в тёмной куртке. Она не слышала его шагов. Лицо у него было худым, с глубокой складкой между бровями. На шее висел пропуск в пластиковом чехле, но фотография на нём выцвела.

— Вы кто? — спросила Алиса.

— Смотря кто спрашивает.

— Я задала вопрос первой.

— А я ответил первым. Просто вы не поняли.

Она крепче сжала ремень сумки.

— Мне нужен склад семнадцать.

Мужчина посмотрел на дверь.

— Зачем?

— Ищу вещи, которые принадлежали моему отцу. Его звали Сергей Воронцов.

Услышав фамилию, незнакомец перестал улыбаться.

Это длилось всего мгновение, но Алиса заметила.

— Вы знали моего отца?

— Здесь многие его знали.

— Вы тоже?

Мужчина отвёл взгляд.

— Я работал на комбинате. Давно.

— Тогда, возможно, вы знаете, почему он оставил мне адрес этого склада.

— А может, он хотел, чтобы вы сюда не приезжали.

— Он умер пять лет назад. Вряд ли мог рассчитывать, что я послушаюсь предупреждения, которого не слышала.

Незнакомец посмотрел на неё внимательнее.

— Вы очень похожи на него.

Алиса почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

Она слышала эту фразу много раз. Обычно люди говорили её с теплом, вспоминая отца. Здесь она прозвучала иначе — словно мужчина увидел не её, а призрак человека, которого давно боялся встретить.

— Вы знаете, что случилось с ним? — спросила она.

— Я знаю, что он слишком много спрашивал.

— О чём?

— О людях, которым не нравилось отвечать.

— Например, о Викторе Орлове?

Мужчина резко поднял голову.

Теперь сомнений не осталось: имя Орлова было ему знакомо.

— Уходите, — сказал он.

— Почему?

— Потому что вам здесь нечего искать.

— Это мне решать.

— Нет, девушка. Именно здесь это решать не вам.

Он направился к выходу из двора.

— Подождите! — крикнула Алиса. — Как вас зовут?

Мужчина не остановился.

— Если вы действительно дочь Воронцова, то лучше забудьте этот адрес.

— Я не собираюсь забывать!

Он повернулся у самых ворот.

— Тогда хотя бы научитесь отличать правду от того, что вам хочется услышать.

И ушёл.

Алиса осталась одна.

Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом корпуса. Потом достала телефон и записала в заметки всё, что запомнила: внешность, одежду, голос, реакцию на имя Орлова. Фотографию сделать она не успела.

В голове снова всплыл голос отца: *«Спроси у Максима»*.

Почему не у полиции? Почему не у старого друга? Почему именно у человека, который исчез перед свадьбой?

Алиса подошла к двери склада.

Теперь она была уверена, что за этой дверью есть нечто важное.

И кто-то очень не хотел, чтобы она это нашла.

Замок не поддавался.

Алиса осмотрела петли, дверную раму и ржавую цепь. Взламывать дверь она не умела, да и не собиралась ломать чужое имущество. Но рядом с порогом заметила тонкую полоску свежей пыли, будто дверь недавно открывали и снова закрыли.

Значит, ключ существовал.

Она ещё раз осмотрела замок. На его корпусе не было следов грубого взлома. Только небольшая царапина возле скважины.

Алиса сфотографировала её и уже собиралась отойти, когда услышала за стеной тихий металлический щелчок.

Она замерла.

Потом раздались шаги.

Не те, что удалялись во двор. Эти были ближе.

— Кто там? — громко спросила она.

Шаги прекратились.

Алиса отступила от двери, достала телефон и включила запись видео.

— Я знаю, что здесь кто-то есть.

Ничего.

Она медленно направилась к углу здания.

И увидела Максима.

Он стоял у бокового входа, держа в руке связку ключей.

Алиса опустила телефон.

— Ты издеваешься?

Максим посмотрел на неё, потом на камеру в её руке.

— Я бы предпочёл встретиться в другом месте.

— А я бы предпочла, чтобы ты перестал появляться там, где я пытаюсь найти ответы.

— Ты приехала сюда одна?

— Нет. Со мной целая делегация. Просто они пока прячутся за кустами.

Он не улыбнулся.

— Алиса, нам нужно уходить.

— Ты уже говорил это вчера.

— Сейчас я говорю серьёзно.

— А вчера ты шутил?

Максим шагнул к ней, но она сразу подняла руку.

— Стой там.

Он остановился.

— Хорошо.

— Почему у тебя ключи?

Максим посмотрел на связку.

— Потому что я знаю, как попасть внутрь.

— Разумеется. Ты знаешь всё. Где был мой отец перед смертью, что происходило на складе, кто оставил мне диктофон. Может, ты даже знаешь, кто прислал мне сообщение.

Его лицо изменилось.

— Какое сообщение?

Алиса достала телефон и показала ему переписку.

Максим прочитал строки, и с каждой следующей его челюсть напрягалась всё сильнее.

— Когда ты это получила?

— Вчера.

— И ты всё равно приехала сюда одна?

— Не начинай.

— Ты понимаешь, что человек, который это написал, может знать, где ты находишься?

— А ты понимаешь, что я не собираюсь всю жизнь сидеть дома из страха перед неизвестными сообщениями?

Максим вернул ей телефон.

— Я не прошу тебя сидеть дома.

— Нет, ты просишь меня слушаться тебя. Это почти одно и то же.

Он провёл ладонью по лицу.

— Ты права.

Алиса растерялась. Она ожидала возражений, раздражения, очередной попытки решить за неё. Но не согласия.

— Что?

— Ты права. Я не имею права указывать тебе, что делать. Но могу сказать, что знаю об этом месте.

— Тогда говори.

Максим оглянулся на склад.

— Твой отец приезжал сюда несколько раз. Последний раз — за два дня до аварии.

Алиса почувствовала, как всё вокруг будто отодвинулось.

— Ты был с ним?

— Да.

— И ты молчал пять лет?

Максим не отвёл взгляда.

— Да.

Она ударила его по щеке.

Звук получился негромким, но в пустом дворе прозвучал отчётливо.

Максим не пошевелился. Только повернул голову обратно и медленно выдохнул.

— Это было заслуженно, — сказал он.

— Не смей решать даже это за меня.

— Не буду.

— Почему ты ничего не рассказал? Почему позволил мне думать, что ты просто сбежал? Что тебе было всё равно? Что ты даже не смог прийти на похороны моего отца?

Максим закрыл глаза на секунду.

— Потому что мне угрожали.

— Тебе?

— Тебе.

Алиса отступила на шаг.

— Кто?

— Орлов.

— И ты поверил ему?

— Я видел, что он способен сделать.

— Что именно ты видел?

Максим посмотрел на неё так, будто этот вопрос причинял ему физическую боль.

— Твой отец не погиб случайно.

Слова повисли между ними.

Алиса слышала ветер, собственное дыхание и далёкий грохот поезда. Больше ничего.

— Повтори, — попросила она.

— Я не могу доказать, что Орлов организовал аварию. Но твой отец боялся его. За несколько дней до смерти он нашёл документы, которые могли уничтожить Орлова. А потом Сергей погиб.

— И ты ничего не сделал?

— Я пытался.

— Пять лет?

— Пять лет.

— Ты мог прийти ко мне. Мог рассказать. Мог хотя бы написать одно сообщение!

— Я знаю.

— Нет, Максим. Ты не знаешь. Ты не знаешь, каково это — ждать человека, который обещал любить тебя всю жизнь, а потом исчезнуть без объяснений. Ты не знаешь, каково это — стоять на похоронах отца и одновременно ненавидеть себя за то, что думаешь о свадьбе, которая не состоится. Ты не знаешь, каково это — каждый год в один и тот же день вспоминать, что в это время пять лет назад ты должна была быть счастливой.

Максим молчал.

Алиса почувствовала, что голос начинает дрожать, и возненавидела себя за это.

— Я не хочу твоих объяснений, — сказала она. — Я хочу знать, что произошло с моим отцом.

— Тогда я расскажу всё, что знаю.

— Сейчас.

Он посмотрел на дверь склада.

— Сначала нам нужно забрать то, за чем ты приехала.

— Откуда ты знаешь, что здесь что-то есть?

— Потому что твой отец оставил здесь копию документов. И потому что Орлов уже ищет её.

— Почему ты не забрал её раньше?

— Я не знал, где именно он спрятал бумаги. Только после твоего звонка…

— Я тебе не звонила.

Максим замолчал.

Алиса ощутила, как тревога возвращается.

— Какого звонка?

Он посмотрел на неё и понял, что сказал лишнее.

— Не твоего. Мне сообщили, что ты нашла диктофон.

— Кто?

— Человек, которому я доверяю.

— А я должна поверить, что он существует?

— Нет. Ты не должна верить мне на слово.

Максим протянул ей связку ключей.

— Решай сама. Если хочешь открыть склад, я помогу. Если хочешь вызвать полицию, я останусь и расскажу всё, что знаю. Но я больше не стану скрывать от тебя информацию ради твоей безопасности.

Алиса посмотрела на ключи.

Пять лет назад она мечтала услышать от него хоть одно объяснение. Теперь, когда он наконец начал говорить, ей хотелось, чтобы он замолчал.

Потому что каждое новое слово разрушало её прошлое.

Она взяла ключи.

— Открывай.

Дверь поддалась с тяжёлым скрипом.

Внутри пахло сыростью, пылью и чем-то химическим. Максим включил фонарь на телефоне, а Алиса последовала за ним, стараясь не касаться стен. В дальнем углу стояли несколько металлических шкафов. На одном из них белой краской было написано: «С. Воронцов».

Алиса остановилась.

— Это его?

— Да.

Она подошла ближе. На шкафу висел маленький замок. Максим выбрал подходящий ключ и открыл его.

Внутри лежали папки, несколько конвертов, старый ноутбук и коробка с фотографиями. На верхней папке было написано: «Орлов. Расчёты и поставки».

Алиса взяла её, но Максим мягко остановил её руку.

— Подожди.

— Что ещё?

Он указал на пол.

Возле шкафа лежала свежая окуренная спичка. Рядом виднелся след грязной обуви. Пыль на полу была нарушена, а одна из коробок стояла не на своём месте.

— Здесь кто-то был, — сказал Максим.

— Тот мужчина, которого я встретила во дворе?

— Возможно.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что он был здесь?

— Я был здесь вчера вечером.

Алиса медленно повернулась к нему.

— Ты был здесь вчера вечером и ничего мне не сказал?

— Я проверял, остались ли документы.

— И?

— Они были на месте.

— А теперь?

Максим посмотрел на открытый шкаф.

— Не все.

Алиса пересчитала папки. Одной не хватало. На её месте остался прямоугольник чистого металла, не покрытого пылью.

— Как она называлась?

— «Передача оборудования».

— Что в ней было?

— Доказательства того, что Орлов через подставные фирмы выводил деньги из нескольких предприятий. Твой отец собирался передать материалы следователю.

— Почему не передал?

Максим опустил взгляд.

— Потому что ему не дали.

Алиса сжала папку в руках.

— Ты всё время говоришь так, будто знаешь больше, чем рассказываешь.

— Потому что знаю.

— Тогда перестань выбирать, что мне можно услышать.

Он кивнул.

— Хорошо. Сергей попросил меня отвезти документы человеку, который обещал помочь. Я согласился. Но в день встречи он не пришёл. Вместо него появились люди Орлова. Они забрали часть бумаг и сказали, что если я попробую обратиться в полицию, пострадает ты.

— И ты решил исчезнуть.

— Я решил, что если исчезну из твоей жизни, у Орлова не будет причины использовать тебя против меня.

Алиса посмотрела на него с горьким недоверием.

— Ты действительно считал, что я буду в безопасности, если ты разобьёшь мне сердце?

— Я считал, что ты будешь ненавидеть меня и перестанешь искать ответы.

— Поздравляю. Сработало. Почти на пять лет.

Максим опустил голову.

— Я не жду, что ты меня простишь.

— Хорошо. Потому что я не собираюсь.

Она положила папку в сумку и взяла конверт с отцовской подписью. Внутри оказалась фотография, несколько листов с расчётами и короткая записка.

«Если эти документы найдут, значит, я не смог довести дело до конца. Не верьте человеку, который первым предложит вам помощь. Ищите оригинал договора. Без него остальные бумаги ничего не докажут».

Алиса прочитала записку дважды.

— Что за оригинал договора?

Максим нахмурился.

— Я не знаю.

Она подняла на него глаза.

— Ты обещал рассказать всё.

— Я рассказываю то, что знаю. Об оригинале я слышу впервые.

Алиса хотела обвинить его во лжи, но остановилась. Его удивление выглядело настоящим. Или он очень хорошо научился притворяться.

Внезапно за дверью послышался шум.

Оба замерли.

Шаги. Несколько человек. Затем металлический удар по воротам.

Максим выключил фонарь.

— Тихо, — прошептал он.

Алиса стиснула папку.

— Кто это?

— Не знаю.

— Опять не знаешь?

Он посмотрел на неё в темноте.

— Если хочешь злиться на меня, делай это позже. Сейчас нам нужно выбраться отсюда.

Снаружи раздался мужской голос:

— Проверьте склад. Они должны быть внутри.

Алиса почувствовала, как сердце ударилось о рёбра.

Максим осторожно взял её за руку, но тут же отпустил, когда она дёрнулась.

— Прости, — шепнул он. — Идём за мной.

Они двинулись к задней стене. Там обнаружилась узкая дверь, скрытая за пустыми ящиками. Максим отодвинул их и повернул ручку.

Дверь открылась в тёмный проход между корпусами.

— Откуда ты знал? — прошептала Алиса.

— Я помогал твоему отцу обустраивать этот склад.

Они вышли наружу и прикрыли дверь.

В конце прохода показалась фигура. Мужчина держал телефон возле лица и говорил по громкой связи:

— Да, мы на месте. Пока никого не нашли.

Алиса узнала голос.

Это был Виктор Орлов.

— Проверьте шкаф, — продолжал он. — И заберите всё, что осталось. Мне не нужны сюрпризы.

Максим втянул воздух сквозь зубы.

Алиса схватила его за рукав и потянула к противоположному выходу. Они пробежали вдоль стены, пересекли заросший двор и остановились только за старой котельной.

Она тяжело дышала, прижимая сумку к груди.

Максим выглянул из-за угла.

— Пока чисто.

— Ты слышал его? — спросила Алиса.

— Да.

— Он знал, что мы здесь.

— Похоже на то.

— Значит, кто-то сообщил ему.

Максим медленно повернулся к ней.

— Или он следил за тобой.

Алиса посмотрела на него. Впервые за долгое время она увидела не только человека, который когда-то её предал, но и человека, который сам оказался внутри чужой игры.

Это не делало его невиновным.

Не возвращало потерянных лет.

Но меняло вопрос, который она задавала себе с момента их встречи.

Возможно, Максим действительно не ушёл от неё по собственной воле.

Возможно, он сделал выбор, который считал единственно возможным.

Алиса не собиралась прощать его за этот выбор. По крайней мере, пока.

— Мне нужна копия всех документов, — сказала она. — И имя человека, которому твой отец… которому мой отец собирался всё передать.

Максим кивнул.

— Я попробую найти его.

— Нет. Мы найдём его вместе.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Не обольщайся. Я не доверяю тебе. Но ты знаешь то, чего не знаю я. И пока это полезно.

Максим принял её слова без возражений.

— Хорошо.

Алиса развернулась к дороге.

— И ещё, Максим.

— Да?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Если ты снова решишь, что ради моей безопасности мне лучше ничего не знать, я сама сделаю так, что ты пожалеешь.

На этот раз он почти улыбнулся. Улыбка вышла усталой и печальной.

— Я верю.

Они пошли к остановке, не касаясь друг друга.

А за их спинами, в глубине старого комбината, Орлов закончил телефонный разговор и посмотрел на пустой склад.

— Они нашли часть бумаг, — сказал он кому-то. — Значит, пора заканчивать.

Он убрал телефон в карман.

— На этот раз никаких ошибок.

Глава 5. Цена молчания

Алиса не позволила Максиму проводить её до дома.

Она остановила такси у перекрёстка, назвала водителю адрес мастерской и только после этого заметила, что Максим всё ещё стоит рядом с открытой дверцей.

— Ты собираешься следить за мной до самого вечера? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему не уходишь?

Он посмотрел на дорогу, затем на неё.

— Потому что хочу сказать одну вещь, прежде чем ты уедешь.

— У тебя есть тридцать секунд.

Максим достал из внутреннего кармана пальто сложенный листок.

— Это номер человека, который работал с твоим отцом. Возможно, он знает, кому Сергей собирался передать документы.

Алиса не взяла бумагу.

— Почему ты не дал мне его раньше?

— Потому что не был уверен, что он ещё жив.

— А теперь уверен?

— Нет. Но вчера я получил сообщение. Этот человек пытался связаться со мной.

— И ты решил рассказать об этом только сейчас?

— Да.

— Ты удивительно последователен.

Она выхватила листок и посмотрела на номер. Под ним было написано имя: **Андрей Мельников**.

— Кто он?

— Бывший бухгалтер комбината. После закрытия предприятия он помогал твоему отцу разбираться с договорами поставок. Сергей доверял ему.

— А ты?

Максим помедлил.

— Раньше доверял.

— Что изменилось?

— Он исчез в ту же неделю, когда погиб твой отец.

Алиса сложила листок и убрала в карман.

— Значит, он может быть причастен к его смерти.

— Может. А может, испугался и сбежал.

— Как ты?

Максим не стал защищаться.

— Да. Как я.

Водитель такси нетерпеливо посигналил.

Алиса села в машину и закрыла дверь. Через стекло она увидела, как Максим отступил к тротуару. Он не пытался остановить её, не стучал по окну, не просил выслушать ещё хотя бы одну фразу.

И почему-то это было тяжелее, чем если бы он попытался.

Когда машина тронулась, Алиса достала телефон и открыла фотографию старой записки отца.

«Спроси у Максима».

Теперь она знала, что отец действительно встречался с ним перед смертью. Знала, что Орлов охотится за документами. Знала, что кто-то следит за ней.

Но самое страшное было в другом.

Максим не отрицал своей причастности к событиям пятидневной давности. Он не пытался убедить её, что всё придумал Орлов. Он признавал, что молчал, что боялся и что выбрал за неё.

Это не делало его честным.

Но делало его человеком, которого она больше не могла понять так легко, как раньше.

Алиса убрала телефон.

Она не собиралась возвращать Максима в свою жизнь.

Сначала ей нужно было выяснить, почему он из неё исчез.

А затем — кто убил её отца.

В мастерской её ждал неприятный сюрприз.

На двери висел белый конверт, приклеенный широкой полосой прозрачного скотча. Алиса заметила его ещё с тротуара. Бумага была чистой, без адреса и подписи.

Она оглянулась.

Улица выглядела обычно: пожилой мужчина выгуливал собаку, возле соседнего магазина разгружали коробки, на остановке стояли несколько человек. Никто не обращал на неё внимания.

Алиса сняла конверт и открыла его прямо у двери.

Внутри лежала копия договора, который Виктор Орлов предлагал ей подписать неделю назад. На последней странице красным маркером была обведена строка о передаче оборудования и права распоряжаться складскими помещениями.

На обороте листа крупными буквами было написано:

«У тебя осталось три дня».

Алиса ощутила, как внутри поднимается холодная волна.

Она сфотографировала документы, затем осторожно убрала их в отдельный файл и вошла в мастерскую.

Первым делом проверила окна, заднюю дверь и замок. Ничего не было сломано. Внутри всё выглядело так, как она оставила утром.

Но это не означало, что сюда никто не проникал.

Она включила камеры наблюдения, которые отец установил несколько лет назад. Большинство давно не работало, но одна камера над входом всё ещё сохраняла записи на старый компьютер.

Алиса запустила программу.

Изображение было зернистым, время на записи сбивалось на несколько минут. Она пролистала утро, день и предыдущий вечер. Вчера около половины восьмого к воротам подъехал тёмный автомобиль. Из него вышел мужчина в капюшоне, подошёл к двери и приклеил конверт.

Лица не было видно.

Алиса остановила кадр и увеличила изображение. Мужчина был среднего роста, в тёмной куртке и перчатках. На левой руке блеснули часы с широким металлическим браслетом.

Она знала эти часы.

Не могла вспомнить откуда, но видела их совсем недавно.

Алиса снова увеличила кадр. На секунду мужчина повернулся боком, и свет упал на его запястье. На браслете была заметна маленькая прямоугольная вставка.

В памяти всплыл вчерашний двор старого комбината. Незнакомец, который предупредил её, чтобы она забыла адрес. Его руки. Пропуск на шее.

Алиса откинулась на спинку стула.

Возможно, это был один и тот же человек.

Она сохранила запись на флешку и позвонила по номеру, указанному в договоре Орлова.

Трубку сняли почти сразу.

— Добрый день, — произнёс спокойный женский голос. — Приёмная Виктора Андреевича.

— Мне нужно поговорить с Виктором Орловым.

— По какому вопросу?

— По поводу договора, который он предложил мне подписать.

— Назовите, пожалуйста, ваше имя.

— Алиса Воронцова.

На другом конце линии возникла короткая пауза.

— Одну минуту.

Алиса услышала приглушённые голоса. Затем женщина вернулась.

— Виктор Андреевич готов принять вас сегодня в шестнадцать часов.

— Я ничего не обещала ему.

— Он сказал, что вы придёте.

— Тогда передайте ему, что он ошибается.

— Конечно. Но позвольте заметить: предложение действительно ограничено по времени. Если вы хотите сохранить мастерскую, встреча будет в ваших интересах.

Алиса усмехнулась.

— Вы всегда говорите людям, что их спасают, когда пытаетесь забрать у них имущество?

— Я лишь передаю информацию.

— Тогда передайте ещё одну. Я не подпишу договор.

Она отключила вызов.

Несколько секунд Алиса сидела неподвижно. Потом открыла папку с документами, найденными на складе, и начала изучать их внимательнее.

В бумагах обнаружились номера счетов, названия фирм и суммы, которые повторялись с подозрительной регулярностью. Одни и те же платежи проходили через разные компании, после чего деньги исчезали. Некоторые даты совпадали с датами поставок оборудования, о которых отец писал в своих рабочих журналах.

Но без оригинала договора, упомянутого в записке, все эти сведения действительно могли оказаться недостаточными.

Алиса выписала названия компаний в блокнот. Затем открыла поисковик и начала проверять каждую по отдельности.

На третьей странице результатов она наткнулась на старую новость.

«Проверка финансовых нарушений на текстильном комбинате приостановлена после исчезновения ключевого свидетеля».

Дата публикации — за два месяца до смерти её отца.

В статье упоминался Андрей Мельников.

Алиса перечитала абзац.

Мельников давал показания о незаконных поставках, после чего внезапно отказался от сотрудничества со следствием. Через несколько недель он уволился и исчез из публичного поля.

В конце статьи было указано имя юриста, представлявшего интересы предприятия.

Виктор Орлов.

Алиса закрыла страницу.

Теперь у неё была не просто старая записка. У неё появлялась связь между Орловым, Мельниковым и документами отца.

Она достала листок с номером и набрала его.

Гудки тянулись долго.

На шестом сигнале мужчина ответил:

— Да?

— Андрей Мельников?

Молчание.

— Кто спрашивает?

— Меня зовут Алиса Воронцова. Мой отец — Сергей Воронцов.

Связь не оборвалась, но мужчина перестал дышать в трубку. Алиса слышала только слабый шум, похожий на ветер.

— Откуда у вас этот номер? — наконец спросил он.

— Мне его дал Максим Лавров.

— Лавров…

В голосе Мельникова прозвучало что-то похожее на усталость.

— Вы встречались с моим отцом перед его смертью? — спросила Алиса.

— Я не могу говорить по телефону.

— Тогда скажите, где мы можем встретиться.

— Нигде.

— Послушайте, я не знаю, что произошло пять лет назад. Я не знаю, почему вы исчезли и почему мой отец оставил документы на заброшенном складе. Но я знаю, что Виктор Орлов пытается забрать мою мастерскую. И, судя по всему, он не хочет, чтобы я разбиралась в прошлом.

— Вы уже разбираетесь, — тихо ответил Мельников. — И именно поэтому я не хочу с вами встречаться.

— Значит, вы знаете, что случилось с отцом.

— Я знаю, что он был хорошим человеком.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Тогда зачем вы взяли трубку?

Мельников долго молчал.

— Потому что Сергей просил меня присмотреть за вами, если с ним что-нибудь случится.

У Алисы перехватило дыхание.

— Вы знали его?

— Хорошо знал.

— И ни разу не пришли ко мне?

— Я пытался.

— Когда?

— После похорон. Но мне сказали, что вы уехали из города.

— Кто сказал?

Мельников не ответил.

— Кто? — повторила Алиса.

— Не спрашивайте об этом по телефону.

— Тогда назначьте встречу.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы не понимаете, насколько далеко всё зашло.

— Так объясните!

— Ваш отец думал, что сможет разоблачить Орлова, используя документы. Он ошибся. Эти бумаги — только часть того, что происходило. Есть оригинал договора, есть люди, которые подписывали накладные, есть записи разговоров. И есть человек, который до сих пор работает на Орлова и знает, где хранится всё остальное.

Алиса крепче прижала телефон к уху.

— Кто этот человек?

— Я не знаю, можно ли вам доверять.

— Вы только что сказали, что отец просил вас присмотреть за мной.

— Я обещал ему помочь вам, если смогу. Но я не обещал подвергать вас опасности.

— Все вокруг почему-то решили, что могут давать обещания моему отцу, а потом скрываться от меня.

На другом конце раздался тяжёлый вздох.

— Вы очень на него похожи.

— Мне уже говорили.

— Он тоже не умел останавливаться, когда считал, что поступает правильно.

— Значит, вы должны понимать, что я не остановлюсь.

Мельников молчал так долго, что Алиса решила, будто он отключился.

Но затем он заговорил:

— Завтра. В десять утра. Старое кафе у Южного вокзала. Сядьте за стол у окна. Если увидите мужчину в светлом пальто, не подходите к нему. Если я не появлюсь до половины одиннадцатого, уходите.

— Почему вы не можете просто сказать, кто этот человек?

— Потому что я сам не знаю, кто из нас сейчас под наблюдением.

Он отключился.

Алиса медленно опустила телефон.

Впервые за несколько дней она почувствовала не только страх и злость, но и надежду. Маленькую, хрупкую, почти болезненную.

Завтра она встретится с человеком, который знал её отца.

Возможно, он наконец расскажет правду.

В шестнадцать часов Алиса всё-таки приехала к Виктору Орлову.

Не потому, что передумала. Ей нужно было увидеть его лицо, когда она откажется от предложения. Хотелось понять, насколько он уверен в своей безнаказанности и что именно собирается делать дальше.

Офис располагался на седьмом этаже современного бизнес-центра. Стеклянные стены, светлый камень, дорогая мебель — здесь всё было устроено так, чтобы человек чувствовал себя маленьким и обязанным благодарить за возможность войти.

Секретарь провела Алису в кабинет.

Орлов поднялся из-за стола. Он был аккуратно одет, безупречно выбрит и внешне совершенно спокоен. На его лице появилась приветливая улыбка, которую Алиса уже видела несколько раз.

— Алиса Сергеевна. Рад, что вы нашли время.

— Я пришла сказать, что не буду подписывать договор.

— Садитесь, пожалуйста.

— Я предпочитаю стоять.

Он указал на кресло напротив стола, но спорить не стал.

— Я понимаю ваше недоверие, — произнёс Орлов. — После смерти отца вам пришлось нелегко. Вы остались с обязательствами, которые не выбирали, и я предложил способ решить проблему.

— Вы предложили получить контроль над моей мастерской.

— Я предложил инвестицию.

— В обмен на право распоряжаться помещениями.

— Это стандартные условия.

— Тогда почему вы не предложили их другим владельцам?

Орлов слегка наклонил голову.

— Потому что не все предприятия нуждаются в помощи.

— А моя мастерская нужна вам зачем?

Он улыбнулся шире.

— У вашего отца были талант и репутация. Он умел находить решения, которые другим казались невозможными. Я считаю, что его дело заслуживает продолжения.

— Не произносите имя моего отца так, будто вы были друзьями.

Улыбка исчезла.

Всего на секунду, но Алиса заметила.

— Сергей был сложным человеком, — сказал Орлов. — Упрямым. Иногда слишком доверчивым. Он принимал решения, не думая о последствиях.

— Вы говорите о нём так, будто он сам виноват в том, что умер.

Орлов медленно сложил руки на столе.

— Я ничего подобного не говорил.

— Но именно это вы хотите, чтобы я услышала.

— Я хочу, чтобы вы перестали жить прошлым и подумали о будущем. У вас есть долги. Есть обязательства перед поставщиками. Есть здание, которое требует ремонта. И есть шанс всё это сохранить.

— За три дня?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Кто сказал вам про три дня?

Алиса не ответила.

Орлов понял, что выдал себя, но быстро вернул прежнее выражение лица.

— Ваша финансовая ситуация не секрет. Я знаком с цифрами и могу предположить, сколько времени у вас осталось.

— Тогда вы должны понимать, что я не собираюсь принимать решение под давлением.

— Разумеется.

Он открыл ящик стола и достал новую папку.

— Я подготовил другой вариант. Без передачи права распоряжаться помещением. Вы сохраняете мастерскую, а я получаю долю в будущих доходах. Это честное предложение.

Алиса не взяла документы.

— Я не буду подписывать ничего, пока независимый юрист не проверит все условия.

— Конечно. Вы вправе обратиться к специалисту.

— И ещё. Я нашла документы, связанные с вашим именем.

Орлов не пошевелился.

— Какие документы?

— О поставках на текстильный комбинат. О переводах между компаниями. О договоре, который мой отец пытался передать следствию.

На этот раз его спокойствие дало трещину. Он не побледнел и не повысил голос, но взгляд стал холодным.

— Вы нашли старые бумаги и решили, что понимаете их смысл?

— Пока не понимаю. Поэтому и ищу оригинал.

— Советую быть осторожнее с тем, что вы читаете. Ваш отец иногда делал выводы, не располагая всеми фактами.

— Вы знали, что он собирался передать документы?

Орлов встал и подошёл к окну.

— Сергей был убеждён, что вокруг него существует заговор. Он видел угрозу в каждом деловом споре. Я пытался убедить его, что он разрушает собственное предприятие.

— И через несколько дней он погиб.

Орлов обернулся.

— А вы считаете, что я имею к этому отношение?

— Я пока ничего не считаю. Я задаю вопросы.

— Тогда задавайте их людям, которые действительно знают, что произошло. А не тем, кто готов использовать ваше горе для достижения своих целей.

Алиса вспомнила слова Максима.

«Не верьте человеку, который первым предложит вам помощь».

— Вы говорите о Максиме Лаврове? — спросила она.

Орлов медленно вернулся к столу.

— Вы с ним общались?

— Это не имеет значения.

— Имеет. Максим всегда умел производить впечатление честного человека. Но у него есть неприятная привычка вмешиваться в дела, которых он не понимает.

— Или понимает слишком хорошо?

Орлов ничего не ответил.

Алиса взяла сумку.

— Я не подпишу договор. И если вы ещё раз пришлёте мне угрозы, я передам их в полицию.

— Угрозы? — удивился он. — Я ничего вам не присылал.

— Тогда вам нечего бояться проверки.

Она направилась к двери.

— Алиса Сергеевна.

Она остановилась.

— Ваш отец тоже думал, что достаточно собрать документы и передать их нужным людям. Он не учёл, что иногда правда разрушает не только тех, кто виноват, но и тех, кто пытается её раскрыть.

Алиса обернулась.

— Это предупреждение?

— Совет.

— Оставьте его себе.

Она вышла из кабинета, не оглядываясь.

В лифте руки у неё дрожали. Она сжала пальцы, заставляя себя успокоиться. Орлов не признался ни в чём, но теперь она была уверена: он знал о документах и боялся, что она найдёт оригинал.

А значит, завтра у Южного вокзала её будет ждать человек, который может рассказать больше.

Если только он действительно придёт.

Вечером Максим позвонил ей сам.

Алиса смотрела на экран почти минуту, прежде чем ответить.

— Что?

— Ты была у Орлова.

— Откуда ты знаешь?

— Мне сообщили.

— Кто?

— Алиса, пожалуйста, не начинай.

— Не начинай что? Задавать вопросы? Ты же обещал больше ничего не скрывать.

На другом конце стало тихо.

— Ты права. Я узнал от человека, который работает в этом бизнес-центре. Он видел тебя на седьмом этаже.

— Ты следишь за Орловым?

— Я пытаюсь понять, что он собирается делать.

— И как успехи?

— Пока никак.

— Тогда зачем звонишь?

Максим помедлил.

— Ты нашла Мельникова?

Алиса замерла.

— Откуда ты знаешь про Мельникова?

— Потому что он написал мне вчера. Сказал, что ты можешь выйти на него.

— И ты опять решил не рассказывать?

— Я не знал, что он действительно с тобой свяжется.

— Ты знал о его существовании, знал, что он исчез после смерти моего отца, и всё равно ждал, пока я сама найду его имя.

— Да.

Алиса закрыла глаза.

— Ты когда-нибудь устанешь отвечать на все мои обвинения одним словом?

— Наверное, когда перестану заслуживать их.

Она не ожидала такого ответа.

Несколько секунд они молчали.

— Мы встречаемся завтра в десять, — сказала Алиса.

— Где?

— У Южного вокзала.

— Не ходи туда одна.

— Нет.

— Алиса, послушай…

— Нет, Максим. Ты не пойдёшь со мной.

— Это может быть опасно.

— Всё, что связано с тобой, Орловым и моим отцом, уже опасно. Но я не собираюсь снова позволять тебе решать, куда мне идти и с кем встречаться.

Он тяжело выдохнул.

— Тогда хотя бы пришли мне адрес кафе.

— Зачем?

— Если что-то случится, я смогу помочь.

— Я не хочу, чтобы ты вмешивался.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Но можешь хотя бы попробовать.

Она собиралась отключиться, когда Максим произнёс:

— Алиса, я должен тебе сказать ещё кое-что.

Она замерла.

— Что?

— Перед смертью твой отец оставил мне конверт. Он попросил открыть его только в том случае, если ты начнёшь искать правду.

Сердце Алисы забилось быстрее.

— Где он?

— У меня.

— Что в нём?

— Не знаю. Я не открывал.

— Пять лет ты хранил конверт и ни разу не посмотрел, что внутри?

— Я обещал ему.

Алиса стиснула телефон.

— И ты собирался рассказать мне об этом когда-нибудь?

— Да.

— Когда? Через десять лет? Через двадцать?

— Сегодня. Я хотел отдать его тебе сегодня, но после того, что случилось на складе…

— Я не хочу слушать объяснения. Завтра после встречи с Мельниковым я заберу конверт.

— Хорошо.

— И если там окажется очередная загадка вместо правды, я больше никогда с тобой не заговорю.

— Я понимаю.

Алиса отключилась.

Она села на край кровати и посмотрела в окно. Внизу по мокрой улице шли люди, спешили машины, светились окна соседних домов. Город жил своей обычной жизнью, словно ничего не произошло.

А её жизнь за несколько дней превратилась в цепочку чужих секретов.

Мельников. Орлов. Максим. Отец.

Каждый из них знал часть правды. Каждый молчал по своей причине.

Алиса открыла блокнот и написала на чистой странице:

«Кто убил Сергея Воронцова?»

Под вопросом она провела черту и добавила:

«Почему Максим не пришёл на свадьбу?»

На втором вопросе рука остановилась.

Она могла бы убеждать себя, что больше не любит его. Что он стал чужим человеком. Что пять лет назад умерло всё, что связывало их.

Но тогда ей не пришлось бы так тщательно избегать воспоминаний.

Она всё ещё помнила его голос, когда он впервые сказал, что хочет на ней жениться. Помнила, как он стоял под дождём у её дома, как смеялся, когда она пыталась испечь пирог, как однажды ночью обещал, что никогда не позволит ей остаться одной.

И помнила, как в день свадьбы ждала его у окна до тех пор, пока гости не начали расходиться.

Самое страшное заключалось в том, что она до сих пор не знала, какое из его обещаний было ложью.

Телефон завибрировал.

Сообщение с неизвестного номера.

«Не ходи завтра к Мельникову. Он уже однажды предал твоего отца».

Алиса перечитала текст.

Потом открыла контакт Максима и написала:

«Завтра я иду на встречу. Не пытайся меня остановить».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я не буду».

Она положила телефон экраном вниз.

За окном ветер усилился, и дождь застучал по стеклу.

Завтра она узнает, кто такой Андрей Мельников на самом деле.

А сегодня ей предстояло решить, готова ли она услышать правду, даже если эта правда окончательно уничтожит человека, которого она когда-то любила.

Глава 6. Человек у окна

В десять утра Алиса вошла в кафе у Южного вокзала.

Она пришла на двенадцать минут раньше назначенного времени и сразу выбрала столик у окна. Отсюда были видны вход, остановка такси и часть площади перед вокзалом. Люди торопились по своим делам, катили чемоданы, курили под козырьком и поглядывали на табло отправлений.

В кафе пахло свежим кофе и подгоревшими тостами. За стойкой работала девушка с короткой стрижкой, возле стены негромко разговаривали двое мужчин в деловых костюмах.

Алиса сняла перчатки и положила телефон перед собой.

Она не сообщила Максиму точное место встречи. Не потому, что считала его врагом, а потому, что больше не хотела проверять, сдержит ли он обещание не вмешиваться.

В десять ноль пять она заказала кофе.

В десять десять посмотрела на дверь.

В десять пятнадцать ей показалось, что мужчина у стойки слишком долго смотрит в её сторону. Она отвела взгляд, но через минуту заметила, что он уже разговаривает по телефону и поворачивается к окну спиной.

В десять двадцать пять Алиса достала листок с номером Мельникова.

Она могла позвонить ему. Могла напомнить, что он сам назначил встречу. Но не стала.

В десять тридцать в кафе вошёл мужчина в светлом пальто.

Алиса сразу вспомнила предупреждение Мельникова: если увидит такого человека, подходить не нужно.

Незнакомец остановился у входа, оглядел помещение и направился к столику в дальнем углу. Он не смотрел на Алису, но, проходя мимо, слегка повернул голову.

Этого хватило, чтобы она заметила на его запястье часы с широким металлическим браслетом.

Те самые часы, которые попали на запись камеры возле мастерской.

Алиса не стала оборачиваться. Она медленно подняла чашку, сделала глоток и поставила её на блюдце.

Мужчина в светлом пальто заказал кофе. Затем достал телефон и начал печатать сообщение.

Телефон Алисы завибрировал.

«Не оборачивайтесь. Мужчина у входа не тот, кого вы ждёте».

Она прочитала сообщение дважды.

Номер был неизвестен.

Следом пришло второе:

«Уходите через кухню. Сейчас».

Алиса подняла глаза на стойку. За ней действительно была узкая дверь с табличкой «Служебное помещение».

Она могла подчиниться предупреждению.

Могла встать и уйти, не узнав, кто отправляет сообщения и зачем пытается ею управлять.

Но ей надоело, что все вокруг распоряжаются её жизнью, словно она не имеет права выбирать.

Она набрала ответ:

«Кто вы?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Алиса убрала телефон и посмотрела на часы.

Десять тридцать две.

Мельников не пришёл.

Она достала его номер и нажала вызов.

Телефон зазвонил один раз.

На второй гудок мужчина в светлом пальто поднял голову.

На третий Алиса услышала голос в трубке:

— Не произносите моё имя.

— Андрей?

— Я сказал, не произносите!

Голос был тихим, но в нём чувствовалась такая паника, что Алиса невольно выпрямилась.

— Вы где?

— Не смотрите на дверь. Слушайте меня. У вас в сумке документы?

— Да.

— Те, что принадлежали Сергею?

— Часть из них.

Мельников тяжело дышал.

— Тогда уходите. Прямо сейчас.

— Вы сами назначили встречу.

— Я знаю.

— Почему вы не пришли?

— Потому что за мной следят.

— Кто?

— Не задавайте вопросов. Уходите, Алиса. Если они найдут документы, всё закончится.

Она стиснула телефон.

— Что именно закончится? Вы можете хоть раз сказать мне правду?

В трубке стало тихо.

Потом Мельников произнёс:

— Ваш отец не погиб в той аварии, которая была указана в заключении.

Алиса перестала слышать шум кафе.

— Что вы сказали?

— Я не могу объяснить по телефону.

— Вы только что сказали, что он не погиб в аварии!

— Я сказал, что заключение было подделано.

— Кто его подделал?

— Алиса, пожалуйста…

— Кто?!

Мужчина в светлом пальто поднялся из-за стола.

Алиса увидела это краем глаза.

— Андрей, если вы сейчас отключитесь, я найду вас сама.

— Я знаю, что вы найдёте. Вы такая же, как он.

— Тогда скажите, что мне делать.

Мельников произнёс всего одну фразу:

— Найдите синюю папку.

Связь оборвалась.

Алиса медленно опустила телефон.

Мужчина в светлом пальто направился к выходу. Перед дверью он остановился, словно хотел что-то сказать, но вместо этого посмотрел на неё и едва заметно кивнул.

В следующую секунду он вышел на улицу.

Алиса осталась сидеть ещё несколько мгновений.

Затем встала, расплатилась за кофе и направилась к служебной двери. Она не знала, кто прислал предупреждение, почему Мельников так испугался и что означала синяя папка.

Но одно стало ясно: встреча была ловушкой.

Вопрос заключался лишь в том, кто её устроил.

Служебный коридор вывел Алису во внутренний двор здания. Там стояли контейнеры для мусора, несколько пластиковых ящиков и тележка с пустыми бутылками. За металлической дверью находилась небольшая парковка.

Она вышла на улицу и сразу достала телефон.

Три пропущенных вызова от Максима.

Алиса нахмурилась.

Она не сообщала ему, где будет встречаться с Мельниковым. Откуда он узнал, что она находится возле вокзала?

Телефон завибрировал снова.

Она ответила.

— Ты где? — спросил Максим.

— Почему ты звонишь?

— Потому что Мельников только что связался со мной. Он сказал, что встреча сорвалась.

— Когда?

— Пять минут назад.

Алиса посмотрела на часы.

— Значит, он успел позвонить тебе после того, как говорил со мной?

— Возможно.

— Или ты уже был рядом.

Максим замолчал.

— Алиса, я приехал к вокзалу.

— Зачем?

— Потому что знал, что встреча опасна.

— Ты обещал не вмешиваться.

— Я не вмешивался.

— Ты приехал сюда!

— Я остался на другой стороне площади. Я не собирался подходить, пока ты сама не попросишь.

Она остановилась возле кирпичной стены.

— Откуда ты узнал, где мы встречаемся?

— Я не знал, в каком кафе вы будете. Мельников сказал, что встреча состоится возле Южного вокзала. Я решил проверить, всё ли в порядке.

— Ты снова решил за меня.

— Я решил проверить обстановку. Это не одно и то же.

— Для тебя, может быть.

Максим вздохнул.

— Ты в безопасности?

Алиса посмотрела на дорогу. Мужчина в светлом пальто исчез в толпе.

— Пока да.

— Ты видела его?

Она замерла.

— Кого?

— Человека в светлом пальто. Мельников предупреждал меня, что он может появиться.

— Кто он?

— Не знаю.

— Максим!

— Я говорю правду. Я не знаю его имени. Мельников лишь сказал, что этот человек может быть связан с Орловым.

Алиса закрыла глаза.

— Я хочу, чтобы ты перестал отвечать на вопросы новыми вопросами.

— Я тоже этого хочу.

— Тогда встретимся через час. Ты отдашь мне конверт отца. И расскажешь всё, что знаешь о заключении по аварии.

— Хорошо.

— Не опаздывай.

Она отключилась, прежде чем он успел что-либо добавить.

Максим ждал её в маленьком кафе неподалёку от мастерской.

Он сидел за столиком в глубине зала. Перед ним стояла чашка давно остывшего кофе и лежал плотный коричневый конверт. Когда Алиса вошла, он поднялся.

— Ты пришла.

— Я обещала.

Она сняла пальто и села напротив.

Максим подвинул к ней конверт.

— Он не вскрыт. По крайней мере, мной.

Алиса взяла его. На лицевой стороне отцовским почерком было написано:

«Максиму. Передать Алисе, когда она начнёт искать правду».

Под надписью стояла дата.

За три дня до смерти Сергея.

Она провела пальцем по буквам.

— Ты получил его тогда?

— Да.

— Где?

— У себя дома. Твой отец приехал ко мне вечером, когда ты была на работе.

Алиса подняла глаза.

— Он был у тебя?

— Да.

— И ты не сказал мне?

— Не сказал.

— Почему?

Максим сжал руки на столе.

— Он попросил меня не рассказывать тебе о встрече, пока не станет понятно, насколько серьёзна угроза.

— Какая угроза?

— Орлов. Твой отец обнаружил документы о незаконных поставках и финансовых махинациях. Он собирался передать их следователю. Но незадолго до этого кто-то сообщил ему, что материалы исчезли из архива комбината.

— Кто сообщил?

— Мельников.

Алиса откинулась на спинку стула.

— Значит, Мельников знал о документах, отец ему доверял, а потом он исчез.

— Да.

— И теперь он говорит, что заключение об аварии подделали.

Максим резко поднял голову.

— Он сказал тебе это?

— Да.

— Дословно?

— «Ваш отец не погиб в той аварии, которая была указана в заключении». Потом он уточнил, что заключение подделали.

— Это меняет всё.

— Почему?

Он посмотрел на конверт в её руках.

— Потому что Сергей не должен был погибнуть в той аварии.

Алиса медленно положила конверт на стол.

— Объясни.

Максим долго молчал. За окном проехал автобус, и его светлые окна на мгновение отразились в стекле кафе.

— За неделю до смерти твой отец попросил меня проверить один автомобиль, — наконец сказал он. — Он утверждал, что за ним следят. Я решил, что он слишком нервничает из-за документов, но всё же согласился. Машина принадлежала человеку, который работал на Орлова.

— Что ты обнаружил?

— Ничего, что можно было бы доказать. Но через два дня автомобиль исчез. А ещё через день произошла авария, в которой погиб твой отец.

— Ты видел машину после аварии?

— Нет. Я приехал к месту происшествия позже. Твоего отца уже увезли.

— Тогда откуда ты знаешь, что это была именно его машина?

Максим отвёл взгляд.

— Потому что мне позвонили и сказали, что Сергей погиб. Назвали номер автомобиля. Я приехал в морг, но тело мне не показали.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что?

— Мне сказали, что опознание уже провели родственники.

— Я его опознала.

— Я знаю.

— Тогда почему ты говоришь так, будто не уверен, что это был он?

Максим посмотрел на неё.

— Потому что твой отец оставил мне конверт за три дня до смерти. А внутри была записка: «Если меня объявят погибшим, не верьте первому заключению. Найдите оригинал договора. Синяя папка укажет путь».

Алиса достала из сумки копию записки, найденной на складе.

— Здесь тоже написано про оригинал договора.

Максим кивнул.

— Значит, синяя папка существует.

— Ты знаешь, где она?

— Нет. Я искал её пять лет.

Алиса не ответила.

Она вскрыла конверт.

Внутри лежали три листа бумаги, фотография и небольшой ключ на тонком кольце.

Первый лист был написан от руки.

«Максим.

Если ты читаешь это, значит, я не смог выполнить то, что обещал Алисе. Я не хочу втягивать её в эту историю. Она не должна платить за мои ошибки.

Я знаю, что Орлов готовит против меня что-то серьёзное. У меня есть документы, которые могут доказать, что он использовал подставные фирмы для вывода денег и незаконного присвоения имущества. Но этих документов недостаточно. Нужен оригинал договора, подписанный всеми участниками сделки.

Я спрятал его там, где никто не станет искать, потому что считает это место давно потерянным.

Если со мной что-нибудь случится, помоги Алисе сохранить мастерскую. Не позволяй Орлову забрать её. И если она сама начнёт искать правду, не отговаривай её. Просто будь рядом.

Я знаю, что прошу тебя о невозможном. Но ты единственный человек, которому я могу доверить её.

Сергей».

Алиса дочитала письмо и положила его на стол.

Она не сразу поняла, что плачет.

Слёзы были тихими, почти незаметными. Она вытерла щёку рукавом и отвернулась к окну.

Максим не попытался её утешить.

Он просто сидел напротив.

И впервые за пять лет Алиса была благодарна ему за молчание.

— Он доверял тебе, — сказала она наконец.

Максим посмотрел на письмо.

— Да.

— А ты подвёл его.

— Да.

— И меня тоже.

— Да.

Алиса стиснула губы.

— Почему ты всё время соглашаешься?

— Потому что это правда.

— Ты мог хотя бы попытаться оправдаться.

— Я оправдывался перед собой пять лет. Мне хватило.

Она снова посмотрела на фотографию из конверта.

На снимке отец стоял у стены старого склада. Рядом с ним был Максим, а чуть дальше — незнакомый мужчина в светлой рубашке. Лицо мужчины оказалось частично закрыто тенью.

На обороте было написано:

«Последняя встреча. Оригинал передан на хранение».

— Ты помнишь этого человека? — спросила Алиса.

Максим взял фотографию.

— Нет. Или не узнаю по снимку.

— А место?

Он внимательно рассмотрел кирпичную стену, металлическую дверь и кусок вывески, попавший в кадр.

— Это не комбинат.

— Откуда ты знаешь?

— На комбинате стены были красными, а здесь кирпич светлый. И дверь другая.

— Значит, склад был в другом месте.

Максим кивнул.

Алиса посмотрела на ключ.

— А этот ключ?

— Не знаю.

Она перевернула его. На маленькой металлической бирке были выгравированы буквы и цифры: **«К-14»**.

— Может, это номер камеры хранения? — предположила она.

— Или ячейки в архиве.

— Или сейфа.

Максим достал телефон и сфотографировал ключ.

— Я попробую выяснить, к чему он подходит.

Алиса сразу подняла голову.

— Нет.

Он убрал телефон.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Мы вместе выясним, что это за ключ. Без тайных поездок, без исчезновений и без решений, которые ты принимаешь за меня.

— Договорились.

Она посмотрела на него внимательно.

— И ещё. Ты не будешь больше скрывать от меня информацию, даже если считаешь, что она может причинить мне боль.

Максим выдержал её взгляд.

— Не буду.

— Если ты солжёшь мне ещё раз, всё закончится.

— Я понимаю.

Алиса убрала письмо, фотографию и ключ в сумку.

— Тогда начнём с синей папки.

Максим кивнул.

— Есть один человек, который может знать, где она.

— Кто?

— Бывший сотрудник архива комбината. Его зовут Павел Крылов. Он уволился незадолго до смерти твоего отца. Я пытался найти его раньше, но он сменил место жительства.

— Почему ты решил, что он может знать?

— Потому что он оформлял передачу документов. Если оригинал договора действительно где-то хранится, в архиве должна остаться запись.

Алиса достала блокнот и записала имя.

— Найдём его.

Максим помедлил.

— Алиса, есть ещё кое-что.

Она медленно подняла глаза.

— Что теперь?

— В день твоей свадьбы я всё-таки приехал к тебе.

Алиса перестала писать.

— Что?

— Я был возле дома. Видел, как ты выходила к машине. Видел гостей, слышал музыку. Я собира

Глава 7. Камера номер четырнадцать

В семь сорок пять утра Алиса уже стояла перед старым зданием городского архива.

Ночью она почти не спала. Каждый раз, когда ей удавалось провалиться в короткий беспокойный сон, она снова видела отца — не таким, каким запомнила его в последние месяцы жизни, усталым и молчаливым, а молодым, улыбающимся, с закатанными рукавами и пятнами машинного масла на ладонях. Он стоял в мастерской, что-то объяснял ей, а потом внезапно замолкал и смотрел куда-то за её спину.

Алиса оборачивалась — и просыпалась.

Последнее сообщение неизвестного не выходило из головы.

«Человек, который должен был сказать правду пять лет назад».

Она перечитала его столько раз, что слова потеряли смысл. Кто-то знал, что произошло в день гибели отца. Кто-то знал о Максиме. И, судя по всему, этот человек всё это время находился достаточно близко, чтобы следить за ней.

Алиса убрала телефон в карман и посмотрела на часы.

До восьми оставалось пятнадцать минут.

Здание архива стояло в стороне от оживлённых улиц, за старой кирпичной оградой. Когда-то здесь размещалось управление железнодорожных складов, потом помещение передали городским службам. Несколько лет назад архив переехал в новое здание, а старое собирались реконструировать. Реконструкция так и не началась.

Окна первого этажа были заколочены фанерой. На фасаде сохранились следы от снятой вывески. Над боковым входом висела камера наблюдения — новая, явно установленная уже после того, как здание перестало использоваться.

Алиса остановилась у ворот.

В сообщении не было ни фамилии, ни номера комнаты. Только время и требование прийти одной.

Она достала маленький ключ с биркой «К-14», который нашла в отцовском конверте. Металл был тёплым от её ладони. Ключ выглядел старым, но не настолько, чтобы его нельзя было использовать. На головке имелась небольшая царапина, будто его когда-то пытались вырвать из замка плоскогубцами.

Алиса не знала, открывал ли он камеру хранения, шкаф или дверь. Но теперь ей казалось, что обозначение «К-14» и камера номер четырнадцать не могли быть случайным совпадением.

Она толкнула калитку.

Та открылась без скрипа.

Во дворе пахло мокрым кирпичом, прошлогодними листьями и сырой землёй. У бокового входа обнаружилась металлическая дверь, приоткрытая на несколько сантиметров. Изнутри тянуло холодом.

— Есть кто-нибудь? — позвала Алиса.

Ответа не последовало.

Она толкнула дверь плечом и вошла.

За ней начинался узкий коридор. На стенах сохранились выцветшие таблички: «Отдел приёма», «Регистрация», «Технические помещения». Под потолком висели старые светильники, но горел только один — в дальнем конце коридора.

Алиса сделала несколько шагов.

— Я пришла, как вы просили.

Голос прозвучал слишком громко.

Из глубины здания донёсся короткий стук. Потом ещё один.

Алиса пошла на звук.

За поворотом находилась комната с длинным столом, металлическими шкафами и старым компьютером. У стены стоял мужчина в тёмном пальто. Лица она не видела: он повернулся к окну, когда она вошла.

— Вы опоздали, — сказал он.

Алиса посмотрела на часы.

— Без двух минут восемь.

— Значит, у вас ещё есть привычка проверять факты, прежде чем спорить.

Мужчина медленно повернулся.

Он был лет пятидесяти пяти, худощавый, с короткими седыми волосами и глубоко посаженными глазами. На левой щеке тянулся тонкий шрам. Алиса никогда не видела его раньше — по крайней мере, так ей казалось.

Но что-то в его лице вызывало неприятное ощущение узнавания.

— Кто вы? — спросила она.

— Сначала скажите, вы пришли одна?

— Да.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Максим Лавров знает, где вы?

— Я сказала, что пришла одна.

— Это не ответ.

— А вы не ответили на мой вопрос.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

— Ваша мать говорила, что вы упрямая.

Алиса замерла.

— Вы знали мою мать?

— Я знал Сергея Воронцова. И вашу мать тоже. Достаточно хорошо, чтобы понимать, почему они никогда не рассказывали вам всего.

— Моих родителей давно нет. Если вы собираетесь использовать их имена, чтобы заставить меня поверить вам, это не сработает.

— Правильно. Не верьте мне.

Он указал на стул.

— Садитесь. У нас мало времени.

— Я предпочитаю стоять.

— Тогда стойте. Но слушайте внимательно. Если кто-нибудь узнает, что вы были здесь, запись с камеры номер четырнадцать исчезнет окончательно.

— Где она?

— Не здесь.

Алиса стиснула зубы.

— Вы пригласили меня сюда ради игры в загадки?

— Нет. Я пригласил вас, потому что пять лет назад не хватило смелости сделать то, что я должен был сделать.

Он произнёс это без пафоса, почти буднично. Именно поэтому Алиса не смогла сразу ответить.

Мужчина достал из внутреннего кармана старую фотографию и положил её на стол.

На снимке стояли трое мужчин возле погрузочной платформы. Одного Алиса узнала сразу: её отец. Вторым был Максим — заметно моложе, без привычной сейчас напряжённости в лице. Третий мужчина стоял чуть в стороне, будто не хотел попадать в кадр.

Тот самый незнакомец с фотографии из отцовского конверта.

— Кто он? — спросила Алиса.

— Андрей Мельников.

— Нет. Мельников был бухгалтером. Он другой.

— Тот человек, с которым вы разговаривали по телефону, — бухгалтер Андрей Мельников. А этот — тоже Андрей Мельников. Его старший брат.

Алиса посмотрела на снимок внимательнее.

— У него такое же имя?

— Да. В документах он проходил как Андрей Павлович Мельников, а бухгалтер — Андрей Сергеевич. В те годы это часто путало людей, и некоторые пользовались путаницей намеренно.

— Почему мой отец фотографировался с ним?

— Потому что ваш отец пытался спасти его.

Мужчина замолчал, словно пожалел, что сказал слишком много.

Алиса положила фотографию на стол.

— Вы сказали, что должны были рассказать правду пять лет назад. Какую именно?

— Что в ночь перед аварией Сергей Воронцов приезжал сюда. В старый архив. Он передал мне коробку с документами и попросил сохранить её, пока не станет безопасно.

— Вам?

— Да.

— Почему он доверил это вам?

— Потому что я тогда отвечал за технический отдел. В том числе за систему видеонаблюдения на территории складов и архива. Я мог копировать записи, менять носители и вести журналы доступа. Я знал, где хранились оригиналы.

— Значит, вы работали на Орлова?

— В какой-то степени. Орлов тогда финансировал несколько проектов, связанных с реконструкцией складского комплекса. Он не был моим начальником официально, но мог добиться, чтобы я лишился работы. А позже — и свободы.

— Это не объясняет, почему вы молчали.

— Не объясняет, — согласился он. — Я испугался.

Алиса почувствовала, как злость, сдерживаемая всю ночь, наконец нашла выход.

— Мой отец погиб. Максим исчез. Кто-то подделал заключение об аварии. А вы испугались?

— Да.

— И всё это время жили дальше?

Мужчина опустил глаза.

— Не так, как раньше.

— Мне всё равно, как вы жили.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Вы не знаете, каково это — ждать человека, который обещал вернуться. Не знаете, каково это — хоронить отца и потом годами слышать, что он сам виноват в своей смерти. Вы не знаете, каково это — держать мастерскую на последнем дыхании, пока какой-то человек в дорогом костюме объясняет тебе, что всё уже решено и осталось только подписать бумаги.

Она сама не заметила, как повысила голос.

Мужчина не перебивал.

— Вы правы, — сказал он наконец. — Я не знаю, каково это для вас. Но я знаю, что Сергей не погиб случайно.

В комнате стало тихо.

Алиса медленно выдохнула.

— Докажите.

Мужчина кивнул, словно именно этого и ждал.

— Запись с камеры номер четырнадцать показывает въезд машины вашего отца на территорию складов. А ещё — кто выехал оттуда спустя двадцать три минуты после него.

— Какая машина?

— Чёрный внедорожник. Без переднего номера. Но на записи виден человек за рулём.

— Орлов?

— Нет. Не Орлов.

— Тогда кто?

— Этого я не могу сказать наверняка. Качество записи плохое. Но я знаю, что человек работал на него.

Алиса посмотрела на ключ в своей руке.

— Почему вы не отдали запись полиции?

Мужчина усмехнулся без радости.

— Потому что копия, которую я передал следователю, оказалась пустой. Оригинал исчез из архива через два дня. А в журнале доступа появилась моя подпись.

— Вы утверждаете, что вас подставили?

— Я утверждаю, что кто-то воспользовался моим пропуском. И что в ту ночь я действительно открыл архив, но не для того, чтобы уничтожить запись.

— Для чего?

— Чтобы спрятать её.

Он подошёл к одному из металлических шкафов и открыл нижний ящик. Внутри лежали пыльные папки, пачка старых пропусков и коробка с маркировкой «Видеонаблюдение. 2019–2021».

Мужчина достал из коробки тонкий бумажный журнал.

— Вот журнал доступа к техническому хранилищу. Страница за ночь аварии вырвана. Но если вы посмотрите на следующую, то увидите, что номер носителя четырнадцать был зарегистрирован повторно. Не в день аварии, а через шесть дней.

— Кто его зарегистрировал?

— Я. По распоряжению, которое получил по телефону.

— От кого?

— От человека, чей голос я узнал. Но в журнале указал другое имя.

Он протянул ей журнал.

Алиса быстро просмотрела записи. В столбцах стояли даты, номера носителей, подписи. На одной странице, рядом с номером «К-14», значилась короткая пометка: «Внешний архив. Секция Б. Ячейка 14».

Она подняла голову.

— К-14 — это не ключ от камеры?

— Я не знаю, какой именно замок он открывает. Но ячейка четырнадцать в секции Б была предназначена для хранения резервных носителей. Когда архив закрывали, часть ячеек опечатали. Часть опустошили. Я не могу гарантировать, что ваша ещё существует.

Алиса сжала ключ.

— Где секция Б?

— В подвале. Но вход туда заложили при ремонте. Есть другой путь через технический коридор. Я покажу.

— Почему вы не сделали это раньше?

— Потому что ключа у меня нет. И потому что я не был уверен, что запись пережила пять лет. Когда я узнал, что вы начали искать документы отца, я понял: либо сейчас, либо уже никогда.

— Кто сообщил вам, что я ищу?

Мужчина посмотрел на неё.

— Андрей Сергеевич Мельников.

— Он знает, где вы?

— Нет. По крайней мере, не должен знать.

Алиса вспомнила голос по телефону, внезапный обрыв связи и сообщения, которые пришли после встречи.

— Он сказал, что пытался спасти моего отца.

— Так и было. Но он не рассказал вам, что его брат погиб через три месяца после аварии.

Алиса похолодела.

— Что?

— Официально — несчастный случай на производстве. Падение с лестницы в пустом складском корпусе. Никаких свидетелей. Дело закрыли за неделю.

— Вы хотите сказать, что его убили?

— Я хочу сказать, что оба брата знали о документах, которые могли уничтожить Орлова. Один исчез, второй погиб. А теперь вы ищете то же самое.

Алиса опустила взгляд на фотографию.

— Почему мой отец не обратился в полицию?

— Он собирался. Но ему сказали, что доказательства уже переданы и дело начали проверять. Это была ловушка. Пока он ждал официального ответа, документы исчезали один за другим.

— И Максим знал?

— Не всё. Максим помогал вашему отцу собирать сведения о поставках. Но Сергей не хотел втягивать его глубже. Он понимал, что Орлов может ударить по вам.

Алиса почувствовала знакомую боль — ту, что всегда возникала, когда речь заходила о Максиме.

— Значит, все вокруг знали, что происходит, кроме меня.

— Не все. И не всё. Ваш отец пытался защитить вас.

— А в итоге оставил меня одну с последствиями.

Мужчина ничего не ответил.

Из коридора донёсся звук шагов.

Оба одновременно повернулись к двери.

— Вы кого-нибудь ждёте? — тихо спросила Алиса.

— Нет.

Шаги повторились. Медленные, уверенные. Потом в коридоре что-то скрипнуло.

Мужчина быстро закрыл журнал и убрал его в шкаф.

— Нам нужно уходить.

— Вы только что сказали, что покажете мне секцию Б.

— Если это Орлов, он знает, что вы здесь. И тогда мы не доберёмся ни до какой ячейки.

— Кто такой этот человек? — спросила Алиса, не двигаясь с места. — Вы обещали рассказать правду.

— Я обещал показать запись.

Дверная ручка медленно опустилась.

Мужчина схватил Алису за локоть и потянул к узкой двери за шкафом.

— Туда. Быстро.

— Я никуда не пойду, пока—

— Если хотите узнать, кто был за рулём той машины, идите!

В его голосе впервые прозвучал настоящий страх.

Алиса нырнула в узкий проход. Мужчина последовал за ней и притянул дверь почти бесшумно. За стеной послышался щелчок замка.

Они оказались в техническом коридоре, где едва хватало места для двоих. На полу тянулись старые кабели, на стенах проступали влажные пятна. В конце коридора была металлическая лестница, уходившая вниз.

— Кто там? — шёпотом спросила Алиса.

— Тот, кто не хочет, чтобы вы нашли запись.

— Это я уже поняла.

Они спустились на несколько ступеней. Сверху донёсся приглушённый голос:

— Проверьте все комнаты. Она не могла далеко уйти.

Алиса узнала этот голос.

Не по тембру. По интонации — спокойной, деловой, с той самой лёгкой уверенностью человека, который привык, что ему не задают лишних вопросов.

Виктор Орлов.

Алиса остановилась.

Мужчина обернулся и приложил палец к губам.

Она заставила себя продолжить спуск.

Лестница вывела их в подвал. Там было темно, и только через узкие окна под самым потолком пробивался серый утренний свет. Вдоль стен стояли металлические стеллажи. На многих сохранились белые бумажные бирки с номерами.

Секция Б находилась в дальнем углу.

— Ячейка четырнадцать, — прошептала Алиса.

— Если её не вскрыли, она должна быть здесь.

Они прошли вдоль стеллажей. Номерные таблички были покрыты пылью. На некоторых висели пломбы, на других остались только обрывки проволоки.

Наконец Алиса увидела табличку «Б-14».

Под ней находилась небольшая металлическая дверца с замочной скважиной.

Она достала ключ.

Руки дрожали так сильно, что с первого раза ключ не попал в отверстие. Алиса выругалась про себя и попробовала снова.

Металл вошёл в замок.

Повернулся.

Раздался сухой щелчок.

Дверца открылась.

Внутри лежал чёрный пластиковый футляр, обмотанный пожелтевшей бумагой. На бумаге была надпись, сделанная знакомым почерком.

Почерком её отца.

«Если это открыла Алиса, значит, я не успел сказать ей главное».

Она не сразу смогла вдохнуть.

— Это его почерк, — прошептала она.

— Я знаю.

Алиса осторожно сняла бумагу.

В футляре находилась небольшая кассета, две фотографии и сложенный листок с датой. Кассета была подписана маркером: «Камера 14. Оригинал».

Она взяла листок.

На нём было всего несколько строк:

«Сергей, если ты всё-таки решишь передать материалы, не доверяй человеку, который предложит тебе безопасный выход. Он уже сделал выбор. Я видел подпись. Она принадлежит не Орлову».

Ниже стояли инициалы: «М. Л.»

Алиса перечитала их.

М. Л.

Максим Лавров?

Или кто-то другой?

— Что это значит? — спросила она, показывая записку мужчине.

Он побледнел.

— Не знаю.

— Вы знали, что тут будет?

— Нет.

— Но вы знали, что кто-то сделал выбор. Кто-то подписал документ.

— Алиса, послушайте…

Сверху раздался громкий удар. Потом второй.

Кто-то открыл дверь на лестницу.

Мужчина схватил футляр, но Алиса не отпустила его.

— Отдайте.

— Нам нужно уходить.

— Это принадлежало моему отцу.

— И если мы останемся здесь, оно снова исчезнет!

Он был прав. Она ненавидела это, но он был прав.

Алиса прижала футляр к груди.

Они побежали вдоль стеллажей к противоположному выходу. В конце подвала обнаружилась низкая дверь, за которой начинался узкий тоннель. Мужчина отодвинул тяжёлую задвижку.

— Куда он ведёт? — спросила Алиса.

— В старый двор. Выход был нужен для доставки оборудования.

Они выбрались наружу за зданием, в заросший дворик между архивом и заброшенным складом. Холодный воздух ударил в лицо. Алиса обернулась, ожидая увидеть погоню, но дверь за ними закрылась, и никто не появился.

Мужчина тяжело дышал.

— У вас есть машина?

— Нет.

— Тогда идите к остановке. Не возвращайтесь в мастерскую и никому не говорите, что нашли.

— А вы?

— Я задержу их.

— Вы думаете, я просто уйду и оставлю вас?

— Да, — сказал он. — Потому что ваш отец хотел, чтобы вы выжили. И я не собираюсь второй раз подводить его.

Он повернулся и пошёл обратно к тоннелю.

— Подождите! — окликнула Алиса.

Мужчина остановился, не оборачиваясь.

— Я даже не знаю вашего имени.

Он помолчал.

— Павел Крылов.

Имя ничего ей не говорило.

— Вы были другом моего отца?

— Иногда я думаю, что был им только тогда, когда это было удобно мне.

— Почему вы написали мне сейчас?

Павел повернул голову.

— Потому что вчера вечером я увидел человека, который пять лет назад должен был умереть вместе с вашим отцом.

Алиса ощутила, как холод пробрался под воротник.

— Кого?

Но Павел уже исчез за дверью.

Она осталась одна с футляром в руках.

До ближайшей остановки Алиса дошла пешком. Каждые несколько секунд она оглядывалась. Ей казалось, что за ней наблюдают из окон, из припаркованных машин, из тёмных дверных проёмов.

Она не стала вызывать такси. Села на первый автобус, вышла через две остановки и пересела на другой. Только убедившись, что за ней никто не следует, направилась в небольшую круглосуточную кофейню.

Там она заняла столик в дальнем углу, заказала чай и положила футляр на колени.

Телефон показывал три пропущенных вызова от Максима.

Она не ответила.

Ещё вчера она обещала ему сообщать, если что-то случится. Но сегодня утром она сама настояла, что пойдёт одна. Если Максим действительно хотел помочь, ему придётся смириться с тем, что не всё можно контролировать.

Алиса достала кассету.

В кофейне не было магнитофона, и она не знала, где найти устройство, способное воспроизвести старый носитель. Можно было отнести её в мастерскую — там у отца хранилась старая аппаратура, — но возвращаться туда сейчас было опасно.

Она открыла конверт с фотографиями.

На первой был изображён складской двор. В кадре стояли три машины: отцовская, белый фургон и чёрный внедорожник без переднего номера. На заднем плане виднелись ворота, а над ними — табличка с номером корпуса.

На второй фотографии отец стоял рядом с мужчиной в светлом пальто.

Алиса узнала его сразу.

Тот самый человек, который появился в кафе возле Южного вокзала. Тот, чьи часы с металлическим браслетом она видела на записи у мастерской. Человек, который оставил ей угрожающий конверт.

На фотографии мужчина выглядел моложе, но черты лица не оставляли сомнений. Он смотрел прямо в камеру, а отец — на него, будто пытался понять, можно ли доверять.

На обороте было написано:

«Передача оригинала. Последняя попытка договориться».

Алиса закрыла глаза.

Если этот человек был рядом с отцом перед аварией, то он мог знать, что произошло. Возможно, он участвовал в этом. Возможно, именно он передал Орлову сведения о документах.

Но почему тогда он появился в кафе? Хотел предупредить её? Или убедиться, что она продолжит поиски и приведёт его к оставшимся доказательствам?

Телефон снова завибрировал.

Максим.

На этот раз Алиса ответила.

— Где ты? — спросил он без приветствия.

— В безопасности.

— Это не адрес.

— Ты обещал не контролировать каждый мой шаг.

— Я обещал дать тебе возможность решать самой. Но после того, как Орлов появился в архиве, я имею право знать, что ты жива.

Алиса застыла.

— Откуда ты знаешь, что Орлов был в архиве?

На другом конце повисла тишина.

— Максим?

— Я видел его машину возле здания.

— Ты следил за мной?

— Я не входил. Ты попросила меня не вмешиваться, и я не вмешивался. Но я не мог просто сидеть и ждать, когда ты вернёшься.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

— Да.

— И всё равно сделал.

— Да.

Его спокойствие раздражало сильнее любых оправданий.

— Я нашла запись.

— Какую?

— Камеры номер четырнадцать. И фотографию человека, который был рядом с отцом перед аварией.

Максим резко выдохнул.

— Кто это?

— Мужчина в светлом пальто. Тот, кто приходил в кафе.

— Алиса, не показывай ему эти фотографии. Не говори, что нашла кассету. И ни в коем случае не включай её в мастерской.

Она замерла.

— Почему?

— Потому что я знаю, кто это.

Всё внутри неё словно остановилось.

— Назови имя.

— Я не уверен, что могу тебе объяснить по телефону.

— Ты можешь. Просто не хочешь.

— Это человек, который пять лет назад подписал документ о передаче оборудования. Тот самый документ, который исчез из папки на складе.

Алиса посмотрела на записку с инициалами «М. Л.».

— Максим, на фотографии написано «передача оригинала». И рядом с отцом был этот человек. Ты знаешь его имя?

Он молчал так долго, что Алиса услышала шум проезжающих машин на его стороне.

— Да, — наконец сказал Максим. — Знаю.

— Тогда говори.

— Михаил Лавров.

Алиса не сразу поняла смысл услышанного.

— Лавров?

— Мой отец.

Она посмотрела на фотографию. Мужчина в светлом пальто улыбался едва заметно, словно знал, чем закончится разговор. В его лице было что-то от Максима — линия подбородка, посадка глаз, привычка чуть наклонять голову, когда он слушает.

— Твой отец был там в ночь аварии?

— Я не знаю, был ли он там именно в ту ночь. Но он участвовал в сделке с Орловым. И когда я пытался выяснить, что произошло с твоим отцом, он сказал мне, что Сергей сам подписал все документы и сам выбрал, кому их передать.

— Ты ему поверил?

— Нет.

— Но ты молчал.

— Я пытался найти доказательства.

— Пять лет, Максим. Пять лет ты мог хотя бы сказать мне, что мой отец был связан с твоим.

— Я не знал, что он был на этой фотографии. Я не знал о кассете. И я не знал, что твой отец оставил мне письмо.

— Но ты знал, что твой отец работал с Орловым.

— Да.

Алиса почувствовала, как между ними снова выросла стена — та самая, которую она надеялась хотя бы немного разрушить.

— Мне нужно время, — сказала она.

— Алиса…

— Не приезжай. Не ищи меня. Я позвоню, когда буду готова.

Она отключила вызов прежде, чем он успел ответить.

Несколько минут Алиса сидела неподвижно, глядя на фотографию. Потом убрала снимки обратно в футляр и заметила, что под подкладкой есть ещё что-то.

Тонкий прямоугольник бумаги.

Она осторожно подцепила край ногтем и вытянула сложенный листок. На нём была напечатана короткая строка, почти стёртая от времени:

«Оригинал хранится не у того, кто его подписал. Ищи свидетеля, который не отражается на записи».

А ниже — дата, на три дня раньше гибели отца.

Алиса перечитала фразу несколько раз.

Свидетель, который не отражается на записи.

Что это значило? Человек, стоявший вне поля зрения камеры? Тот, кто был за стеклом? Или кто-то, кто вообще не должен был существовать в официальных документах?

Она перевернула листок.

На обратной стороне синими чернилами было написано одно слово:

«Свет».

В этот момент телефон снова завибрировал.

Сообщение с неизвестного номера.

«Вы нашли ячейку. Теперь не доверяйте человеку, который помог вам её открыть».

Алиса медленно подняла глаза к окну кофейни.

На противоположной стороне улицы стоял Павел Крылов.

Он смотрел прямо на неё.

Когда их взгляды встретились, он не попытался скрыться. Лишь поднял руку и показал два пальца — будто предупреждал, что у неё осталось две минуты.

Потом за его спиной остановился чёрный внедорожник без переднего номера.

Дверь открылась.

Из машины вышел мужчина в светлом пальто.

Михаил Лавров.

Глава 8. Чужая фамилия

Михаил Лавров не выглядел человеком, который собирался прятаться.

Он спокойно закрыл дверцу чёрного внедорожника, поправил манжету пальто и посмотрел на Павла Крылова. Тот стоял у фонарного столба, не сводя глаз с машины. Между мужчинами было несколько метров, но напряжение ощущалось даже через стекло кофейни.

Алиса сидела неподвижно.

Перед ней лежали фотографии, футляр с кассетой и записка, в которой было всего одно слово: «Свет».

В телефоне светилось последнее сообщение:

«Теперь не доверяйте человеку, который помог вам её открыть».

Она посмотрела на Павла.

Он помог ей найти ячейку. Он вывел её из подвала, когда появился Орлов. Он назвал своё имя и рассказал о записи. Но теперь неизвестный предупреждал именно о нём.

Возможно, Павел и был тем человеком, который должен был сказать правду пять лет назад.

Возможно, всё утро он вёл её туда, куда хотел.

А возможно, предупреждение прислал кто-то, кто пытался рассорить её с единственным человеком, способным помочь.

Алиса ненавидела, что теперь любое решение приходилось принимать вслепую.

Михаил Лавров повернулся к окну кофейни. На мгновение их взгляды встретились.

Он не удивился, увидев её.

Напротив, едва заметно кивнул, будто они заранее договорились о встрече.

Затем он достал телефон и позвонил.

Телефон Алисы зазвонил почти сразу.

Она не ответила.

Михаил убрал свой телефон в карман и направился к входу.

Алиса быстро собрала бумаги, спрятала кассету и футляр в сумку. Фотографию, на которой её отец стоял рядом с Михаилом, она оставила на столе — намеренно, чтобы проверить, что тот сделает, когда войдёт.

Колокольчик над дверью звякнул.

— Алиса, — произнёс Михаил.

Он остановился возле её столика, снял перчатки и положил их рядом с чашкой.

— Вы не против, если я сяду?

— Я буду против, если вы начнёте притворяться, будто мы встретились случайно.

Михаил взглянул на пустой стул.

— Значит, вы уже знаете, кто я.

— Ваш сын рассказал.

— Максим всегда был слишком разговорчивым, когда дело касалось того, чего он не понимал.

— А вы, вероятно, слишком молчаливы, когда понимаете всё.

Михаил слегка улыбнулся.

— Ваша мать тоже умела отвечать вопросом на вопрос.

Алиса ощутила, как внутри снова поднимается злость.

— Не упоминайте мою мать.

Улыбка исчезла.

— Хорошо.

Он сел, не дожидаясь разрешения.

Официантка подошла принять заказ. Михаил попросил чёрный кофе без сахара, затем положил на стол сложенный лист бумаги.

— Я пришёл не для того, чтобы угрожать вам.

— Как удобно. Обычно люди, которые приходят не угрожать, начинают именно с этого.

— Я пришёл предложить вам сделку.

Алиса коротко рассмеялась.

— Орлов уже предлагал мне сделку. Вы опоздали.

— Орлов предлагает вам продать мастерскую. Я предлагаю вам перестать искать документы.

— И что я получу взамен?

— Возможность сохранить то, что у вас осталось.

— Вы имеете в виду мастерскую?

— И мастерскую тоже.

— А взамен я должна забыть, что мой отец погиб при подозрительных обстоятельствах?

— Ваш отец погиб в автомобильной аварии.

Алиса наклонилась вперёд.

— Вы действительно собираетесь произнести это вслух? После того, как я нашла запись, которую кто-то пытался уничтожить? После того, как вы сами оказались на фотографии с моим отцом за несколько дней до его смерти?

Михаил посмотрел на неё без видимого волнения.

— Фотография не доказывает преступления.

— А вы не доказываете невиновность.

— Я и не собираюсь доказывать вам свою невиновность.

— Тогда зачем пришли?

Он помолчал, наблюдая, как официантка ставит перед ним чашку.

— Потому что вы очень похожи на отца. Сергей тоже считал, что, если найдёт один документ, все остальные люди будут вынуждены признать правду.

— Он ошибался?

— Он недооценил, сколько людей потеряют всё, если правда выйдет наружу.

— Людей вроде вас?

Михаил отпил кофе.

— В том числе.

Алиса почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Значит, вы признаёте, что были причастны к тому, что произошло?

— Я признаю, что подписывал документы, которые теперь предпочёл бы никогда не видеть.

— Какие документы?

— Передачу оборудования. Складские накладные. Акт приёма-передачи. В тот период я занимался поставками для нескольких предприятий, и часть документов проходила через мою компанию.

— Через вашу компанию проходило незаконное оборудование?

— Через мою компанию проходило оборудование, происхождение которого я не всегда проверял так тщательно, как должен был.

— И мой отец собирался это раскрыть.

— Ваш отец собирался остановить сделку, которая уже затронула слишком многих.

— Это одно и то же.

— Нет, Алиса. Между желанием раскрыть преступление и желанием разрушить чужую жизнь иногда проходит очень тонкая граница.

— Вы сейчас оправдываетесь?

— Нет. Я пытаюсь объяснить, почему Сергей оказался в опасности.

— Кто его убил?

Михаил не ответил сразу.

Он поставил чашку на блюдце и впервые за весь разговор отвёл взгляд.

— Я не знаю, кто находился за рулём той машины.

— Но знаете, что машина была.

— Да.

— Знаете, что запись существовала.

— Да.

— И знаете, почему её уничтожили.

— Я знаю, что на ней было видно больше, чем следовало.

Алиса подалась вперёд.

— Что именно?

Михаил посмотрел на неё.

— Человек, который выехал со складской территории после вашего отца, не должен был там находиться.

— Кто он?

— Я не видел запись целиком.

— Но вы знаете его?

— Да.

— Имя.

Михаил медленно сложил руки на столе.

— Я не назову его, пока не пойму, что у вас действительно есть.

Алиса откинулась на спинку стула.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

Она поднялась.

Михаил не попытался её остановить. Только произнёс:

— Если вы включите кассету, то поймёте, почему Максим пять лет назад исчез из вашей жизни.

Алиса замерла.

Она медленно повернулась.

— Вы знаете о кассете?

— Я знаю, что Сергей делал копии. И знаю, что одну из них он собирался передать Максиму.

— Почему?

— Потому что мой сын должен был получить доказательство того, что его отец не тот человек, за которого он себя выдавал.

Впервые за утро Михаил выглядел не уверенным в себе, а уставшим.

— Вы не представляете, сколько лет Максим пытался понять, что я сделал. Он задавал вопросы, искал бумаги, приходил ко мне с фотографиями. Я каждый раз говорил ему, что Сергей ошибался. Что Орлов всего лишь деловой партнёр. Что в документах нет ничего опасного.

— И вы лгали.

— Да.

Признание прозвучало так просто, что Алиса не сразу поверила услышанному.

— Почему?

Михаил посмотрел в окно.

— Потому что я боялся потерять сына.

— Вы не потеряли его. Вы просто научили его жить с ложью.

— Возможно.

— И теперь хотите, чтобы я поступила так же?

— Я хочу, чтобы вы не повторили ошибку отца.

Алиса взяла сумку.

— Мой отец не был ошибкой.

Она вышла из кофейни, не оглядываясь.

На улице было холодно. После дождя асфальт блестел, отражая тусклое утреннее небо. Алиса быстро пошла вдоль домов, стараясь не смотреть на машины.

Через несколько минут она свернула в узкий переулок и остановилась у закрытой витрины магазина.

В отражении стекла была видна улица позади.

Михаил не следовал за ней.

Павла тоже не было.

Она достала телефон и набрала номер Максима.

Он ответил сразу.

— Где ты?

— Не начинай.

— Я даже ещё ничего не сказал.

— Ты собирался спросить, где я, с кем я и почему не отвечала на звонки.

— Вообще-то я собирался спросить, не случилось ли чего-нибудь.

Алиса закрыла глаза.

— Я встретилась с твоим отцом.

На другом конце стало тихо.

— Что?

— Он пришёл в кофейню. Сказал, что был связан с документами отца. Признал, что лгал тебе. И предложил мне забыть о расследовании.

— Он не имел права приближаться к тебе.

— Это не тебе решать.

— Алиса, мой отец опасен.

— Тогда почему ты до сих пор не рассказал мне всего, что знаешь о нём?

Максим не ответил.

— Вот именно, — сказала она. — Ты всё время предупреждаешь меня об опасности, но каждый раз оставляешь за собой право решать, какую часть правды я могу выдержать.

— Я не пытаюсь решать за тебя.

— Тогда расскажи всё.

Она услышала, как Максим тяжело вздохнул.

— Мой отец владел компанией, которая поставляла оборудование на текстильный комбинат. Пять лет назад я работал у него, но собирался уходить. Сергей попросил меня проверить несколько накладных. Я нашёл расхождения между тем, что было указано в документах, и тем, что фактически поступало на склад.

— Что именно не сходилось?

— Количество. Серийные номера. Иногда получатели. По бумагам оборудование передавали одному предприятию, а фактически оно оказывалось у другого. Часть поставок вообще не существовала.

— И твой отец был в этом замешан?

— Его подпись стояла на нескольких актах.

— Ты показал их ему?

— Да. Он сказал, что документы подделали. Что кто-то использовал его печать и подпись.

— Ты поверил?

— Я хотел поверить.

Ответ оказался честнее, чем Алиса ожидала.

— А потом?

— Потом Сергей нашёл оригинал одного из актов. Он сказал, что там есть подпись человека, который подтверждал получение оборудования. Если эта подпись настоящая, то мой отец не просто не проверял документы — он знал, кому передавали груз.

— И что было дальше?

— Сергей попросил меня не рассказывать тебе. Он собирался встретиться с человеком, который мог подтвердить происхождение документов. Встреча должна была состояться на старом складе.

— С Михаилом?

— Не знаю. Отец не назвал имени.

— Ты был там?

— Нет. Я ждал Сергея у него дома. Он не приехал.

Алиса крепче прижала телефон к уху.

— А на следующий день мой отец погиб.

— Да.

— И ты решил исчезнуть.

— Нет. Я решил, что если останусь рядом с тобой, то приведу к тебе людей, которые следили за мной.

— Ты мог хотя бы сказать мне об этом.

— Я должен был.

В его голосе не было попытки защититься.

Алиса остановилась возле перехода. Машины проносились перед ней, разбрызгивая воду.

— Максим, я нашла кассету с записью камеры номер четырнадцать.

— Ты уверена?

— На ней написано «Оригинал».

— Не включай её.

— Почему все говорят мне одно и то же?

— Потому что я знаю, как работает эта схема. Если запись настоящая, там может быть не только изображение машины. Возможно, на ней есть человек, который должен был оставаться вне кадра.

Алиса вспомнила записку.

«Ищи свидетеля, который не отражается на записи».

— Что это значит?

Максим замолчал.

— Алиса, где ты сейчас?

— Неважно.

— Важно. Послушай меня. Я не прошу тебя отказаться от расследования. Я прошу дать мне возможность помочь тебе проверить кассету.

Она посмотрела на футляр в сумке.

— Я не отдам её тебе.

— Я и не прошу.

— И не буду обещать, что расскажу тебе всё, что узнаю.

— Хорошо.

— Ты согласен?

— Нет. Но я не стану тебе мешать.

Эти слова почему-то задели её сильнее, чем очередная попытка всё контролировать.

— Я позвоню позже, — сказала она и отключилась.

В мастерскую Алиса вернулась только после полудня.

Она вошла через заднюю дверь, проверила замок и прошла в комнату, где отец когда-то хранил старые инструменты и аппаратуру. Здесь почти ничего не изменилось: на полках стояли коробки с деталями, на столе лежал разобранный радиоприёмник, а в углу пылился старый кассетный магнитофон.

Алиса включила его в розетку.

Индикатор не загорелся.

Она проверила провод, затем вилку. Попробовала снова.

Ничего.

— Ну конечно, — пробормотала она.

Она отодвинула магнитофон и сняла заднюю крышку. Внутри всё было покрыто пылью. Один провод отсоединился от контакта, а ремень механизма растянулся. Алиса не была специалистом по ремонту аудиотехники, но отец когда-то показывал ей, как чинить простые неисправности.

Она нашла паяльник, заменила провод и осторожно натянула ремень.

Через полчаса магнитофон ожил.

Сначала послышался гул, затем сухой щелчок механизма.

Алиса села на край стола и посмотрела на кассету.

Она могла подождать Максима. Могла найти специалиста, который оцифрует запись и сохранит копию. Могла сделать всё правильно, аккуратно, без риска.

Но после пяти лет молчания она больше не хотела, чтобы кто-то решал за неё, когда ей можно узнать правду.

Она вставила кассету.

Нажала кнопку воспроизведения.

Несколько секунд слышался только шум. Затем раздались шаги, скрип двери и голос отца.

— Проверка. Двадцать первое октября. Если эта запись сохранилась, значит, у меня не получилось передать документы лично.

Алиса закрыла рот ладонью.

Она слышала отца не через старую запись на диктофоне, не через воспоминание, а так, словно он находился в соседней комнате.

— Сегодня я встретился с Михаилом Лавровым. Он утверждает, что подпись на акте подлинная, но не его. Я не верю ему. Он слишком много знает о поставках и слишком быстро понял, какие документы я ищу.

Послышался шорох бумаги.

— Я нашёл копию журнала приёмки. Оригинал акта подписал не тот, кто указан в реестре. Подпись поставил человек, который не должен был иметь доступа к складу. Если я прав, то всё, что происходило последние два года, было организовано изнутри.

Пауза.

Затем другой голос — мужской, более тихий.

— Ты не можешь доказать, что это он.

— Пока не могу, — ответил Сергей. — Но у меня есть запись.

— Запись можно уничтожить.

— Не всю. Не если она уже скопирована.

Алиса замерла.

— Ты передал копию?

— Да.

— Кому?

— Человеку, который сможет сохранить её.

— Ты уверен, что он не предаст тебя?

— Нет.

В записи раздался нервный смешок.

— Тогда зачем ты вообще всё это затеял?

— Потому что если я промолчу, завтра на месте комбината построят торговый центр, а все документы исчезнут. А потом кто-нибудь скажет, что я сам подписал каждую бумагу.

Послышался стук. Кто-то подошёл к двери.

— Сергей, нам пора, — сказал второй мужчина.

— Ещё минуту.

— Нет. Они уже знают.

Запись оборвалась на резком щелчке.

Алиса нажала перемотку и снова прослушала последние секунды. На фоне голосов слышался слабый металлический звон — будто связка ключей ударилась о дверную ручку.

Затем прозвучала ещё одна фраза, почти неразличимая:

— Если что-то случится, ищи свет.

Алиса остановила кассету.

«Свет».

Она посмотрела на записку, лежавшую рядом с магнитофоном. Слово было написано теми же синими чернилами, что и пометка на листке из футляра.

Отец не просто оставил ей случайный ключ и старую кассету. Он выстроил цепочку подсказок. Но почему не назвал имён? Почему не сказал прямо, кому доверял? И кто был вторым мужчиной на записи?

Алиса достала телефон и включила диктофон. Запустила кассету снова, записывая звук на телефон, чтобы не потерять единственную копию.

Когда запись закончилась, она прослушала её ещё раз, на этот раз в наушниках.

И услышала то, чего не заметила раньше.

За несколько секунд до обрыва второй мужчина произнёс:

— Ты ведь понимаешь, что он не даст тебе уйти?

Отец ответил:

— Он не знает, что у меня есть оригинал.

— Он знает больше, чем ты думаешь.

А затем — тихий голос, едва различимый сквозь шум:

— Алиса…

Она выдернула наушники.

На записи кто-то произнёс её имя.

Не отец. Другой мужчина.

Алиса снова включила этот фрагмент, прибавила громкость. Слово прозвучало отчётливо:

— Алиса.

Кто-то из присутствующих знал о ней. Знал её имя. Возможно, знал, что она когда-нибудь услышит эту запись.

Она остановила магнитофон и отступила от стола.

В этот момент в передней части мастерской раздался стук.

Три коротких удара.

Алиса схватила футляр и убрала его в сумку.

— Кто там?

Ответа не было.

Она подошла к двери, но не открыла. Посмотрела в маленькое стекло над замком.

За дверью никого.

На полу лежал конверт.

Алиса открыла дверь ровно настолько, чтобы достать его, и тут же заперлась обратно.

На конверте не было имени. Внутри лежал лист бумаги и маленькая фотография.

На фотографии была она сама — сегодняшним утром, возле старого архива. Снимок сделали из машины, стоявшей напротив ворот.

На обратной стороне стояла дата и время: 08:03.

Всего через три минуты после её прихода.

На листе было написано:

«Теперь вы знаете, что ваш отец оставил запись. Но вы ещё не знаете, кто её сделал».

Ниже — адрес и время.

Сегодня, двадцать один ноль-ноль.

Старый корпус текстильного комбината.

И последняя строка:

«Приходите без Лавровых. Один из них уже однажды выбрал не вас».

Алиса перечитала фразу.

Один из них.

Михаил или Максим?

Она посмотрела на кассету, на сумку, на закрытую дверь мастерской.

Пять лет назад Максим исчез, не объяснив причины. Михаил лгал собственному сыну и скрывал правду о документах. Павел Крылов помог ей найти запись, но кто-то предупреждал, что ему нельзя доверять.

Теперь кто-то звал её туда, где всё началось.

И требовал прийти одной.

Алиса взяла телефон и набрала номер Максима. Палец завис над кнопкой вызова.

Она могла рассказать ему всё. Могла спросить, что он знает о старом корпусе и почему кто-то так настойчиво пытается отделить её от семьи Лавровых.

Но если письмо было ловушкой, звонок мог привести к ней человека, которого она пока не могла отличить от врага.

Алиса убрала телефон.

Впервые за всё расследование она решила не выбирать между доверием и недоверием.

Она выберет доказательства.

До девяти вечера оставалось семь часов.

И на этот раз она собиралась подготовиться.

Глава 9. Семь часов до правды

Алиса решила начать с того, что умела лучше всего: проверить каждую деталь, прежде чем делать следующий шаг.

В девять утра она разложила на рабочем столе все материалы, собранные за последние дни. Фотографии, записки, копии документов, отцовское письмо, кассета из ячейки Б-14 и листок со словом «Свет». Рядом лежал конверт, оставленный неизвестным у двери мастерской.

С виду всё это было похоже на беспорядок. Но Алиса знала: если разложить детали правильно, между ними обязательно обнаружится связь.

Она достала чистый лист и написала вверху:

Что мы знаем наверняка?

Первое: отец собирал доказательства незаконных поставок и финансовых махинаций.

Второе: незадолго до гибели он встретился с Михаилом Лавровым и ещё одним мужчиной, чьё имя пока неизвестно.

Третье: существовала запись с камеры номер четырнадцать. Кто-то пытался её уничтожить, но часть материалов сохранилась.

Четвёртое: Андрей Мельников, бухгалтер, знал о подмене документов. Его старший брат погиб при обстоятельствах, которые могли быть связаны с тем же делом.

Пятое: Максим знал о подозрительных поставках, но не рассказал ей всего.

Шестое: Павел Крылов помог ей найти ячейку в архиве, однако неизвестный настойчиво предупреждал, что ему нельзя доверять.

Седьмое: кто-то следил за ней у архива и знал о содержимом футляра.

Алиса поставила ручку на стол.

Именно последний пункт тревожил её сильнее всего.

Человек, приславший фотографию, должен был находиться рядом с архивом в восемь утра. Он знал, когда она пришла, куда направилась и что нашла. Но откуда ему было известно о кассете? Павел мог рассказать. Орлов мог организовать слежку. Михаил мог узнать о её поисках от собственного сына.

Или существовал кто-то ещё — человек, который наблюдал за всеми ними.

Алиса перевернула фотографию, сделанную возле архива. В отражении окна за её спиной виднелась часть автомобиля. Тёмный капот, кусок лобового стекла и белая наклейка в правом нижнем углу.

Она взяла телефон и увеличила снимок.

Наклейка была почти неразличима. Виднелась только часть надписи: «…ТЕХ».

Алиса вспомнила таблички на дверях старого архива. Технический отдел. Техническое хранилище. Камеры наблюдения.

Она открыла фотографии, сделанные возле текстильного комбината несколько дней назад. На одной из них, снятой из окна машины, стоял белый служебный фургон. На двери красовалась эмблема компании, занимавшейся обслуживанием систем безопасности.

«Свет».

Она снова посмотрела на слово из отцовской записки.

Может быть, это было не имя и не указание на человека. Может быть, отец имел в виду освещение. Инфракрасную подсветку камеры. Отражение в стекле. Техническую особенность записи.

Если камера номер четырнадцать снимала складской двор, а человек находился за пределами прямого обзора, его силуэт мог отразиться в стекле двери или окна. Именно так он мог попасть в запись, не оказавшись в поле зрения объектива.

Алиса почувствовала, что впервые за утро у неё появилась зацепка, которую можно проверить.

Она позвонила знакомому отца — Николаю Петровичу, который когда-то устанавливал оборудование в мастерской и помогал с электричеством на складе. Он давно отошёл от дел, но иногда заходил к ним выпить чаю и поговорить о старых временах.

— Николай Петрович? Это Алиса Воронцова.

— Алиса? Здравствуй. Что-то случилось?

— Мне нужна ваша помощь. Вы помните камеры наблюдения на старом текстильном комбинате?

— Конечно. Мы там половину системы переделывали. А что?

— Камера номер четырнадцать. Вы знаете, куда она была направлена?

На другом конце повисла пауза.

— Номер четырнадцать… Это которая у погрузочного двора?

— Не знаю. Я пытаюсь восстановить схему.

— Подожди. У меня где-то остались старые чертежи. Но ты понимаешь, что там всё давно отключили?

— Понимаю. Мне нужно хотя бы знать, что именно камера могла видеть.

— Дай мне час. Я посмотрю в старых папках и перезвоню.

— Спасибо.

Она отключилась и записала на листе: «Камера 14 — погрузочный двор? Отражение?»

Теперь ей нужно было решить, как поступить с вечерней встречей.

Она не собиралась приходить туда без подготовки. Но и сообщать Максиму о письме пока не хотела. Слишком много раз за последние дни её решение зависело от чужих обещаний.

Алиса достала из шкафа небольшую сумку. Положила туда фонарик, запасной аккумулятор для телефона, блокнот, ручку и перчатки. Затем сделала копии фотографий и записки. Оригиналы убрала в металлический ящик, ключ от которого носила на цепочке под одеждой.

Кассету она решила не брать.

Если неизвестный хотел получить её, он не должен был знать, что она уже прослушала запись.

В половине одиннадцатого позвонил Николай Петрович.

— Нашёл, — сказал он вместо приветствия. — Только, Алиса, ты лучше присядь.

— Что вы нашли?

— Схему. И ещё кое-что.

— Что именно?

— В старом техническом журнале указано, что камера четырнадцать была установлена над воротами погрузочного двора. Она смотрела не прямо на дорогу, а под углом — на въезд и часть стеклянной стены административного корпуса.

Алиса схватила ручку.

— Стеклянной стены?

— Да. Там была перегородка между проходной и диспетчерской. Большое окно, почти во всю стену. Если камера работала ночью и включалась подсветка, в стекле могло отражаться то, что находилось за пределами прямого обзора.

— То есть человек мог попасть на запись через отражение?

— Теоретически. Но это зависит от угла, освещения и качества камеры.

— А кто обслуживал систему?

Николай Петрович назвал компанию. Алиса записала название и замолчала.

Это была та самая фирма, чья эмблема едва виднелась на фотографии.

— Вы уверены?

— Я сам подписывал акт передачи оборудования их сотрудникам. Там была накладная, список камер и фамилия ответственного техника. Я помню, потому что они тогда требовали заменить несколько старых блоков питания, а денег на это не выделили.

— Кто был ответственным?

Николай Петрович снова замолчал.

— Алиса, я не уверен, что тебе стоит лезть в это дело.

— Я уже в нём.

— Тогда хотя бы не ходи туда одна.

— Вы знаете, кто обслуживал камеру?

— В журнале стоит фамилия. Павел Крылов.

Алиса почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Павел?

— Да. Он тогда работал с системами наблюдения. Молодой был, толковый. Сергей его хорошо знал.

Она вспомнила Павла в архиве. Его спокойное лицо, быстрые движения, страх, когда за дверью появился Орлов. Он не просто знал, где находится ячейка. Он знал, что искать, и понимал, как работала система камер.

— Николай Петрович, вы знаете, почему он ушёл с работы?

— После той истории со складом его уволили. Говорили, что он потерял носитель с важной записью. Потом он исчез на несколько лет. Я не знаю, чем он занимался дальше.

— А вы знаете, где найти его?

— Нет. Но, если он снова появился рядом с тобой, значит, эта история ещё не закончена.

Алиса поблагодарила его и отключилась.

Она долго сидела, глядя на фамилию в блокноте.

Павел Крылов был человеком, который обслуживал камеру номер четырнадцать. Он мог знать, что попало на запись. Он мог изменить угол обзора, скопировать материал или удалить его. Он мог помочь отцу сохранить доказательства.

И он мог подделать всё так, чтобы Алиса поверила именно в ту версию, которую он хотел ей показать.

Телефон завибрировал.

Пришло сообщение от Павла.

«Нам нужно поговорить до девяти вечера. Не приходите в старый корпус, пока не узнаете, кто прислал вам приглашение».

Алиса перечитала текст.

Она не сообщала Павлу о приглашении. По крайней мере, не напрямую.

Она ответила:

«Откуда вы знаете о встрече?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Потому что это я отправил первое сообщение. Но последнее — не моё».

Алиса застыла.

Значит, приглашение на девять вечера прислал другой человек. Кто-то воспользовался тем же каналом связи, той же манерой общения, возможно, даже знал, как Павел собирался её предупредить.

Она быстро набрала:

«Кто отправил последнее сообщение?»

Павел ответил:

«Не знаю. Но если вы пойдёте туда, возьмите с собой копию записи. Оригинал оставьте дома».

Алиса нахмурилась.

Он просил принести копию записи — той самой, которую она ещё никому не показывала.

Она не ответила.

Вместо этого выключила телефон и достала из ящика старую записную книжку отца. Между страницами с номерами поставщиков нашлась визитка Михаила Лаврова. На обороте отец сделал пометку: «Не верить словам. Проверить подпись».

Алиса положила рядом фотографию Михаила у кофейни и листок с инициалами «М. Л.».

Теперь ей нужно было проверить не только его подпись, но и сам документ, который он подписал.

Если оригинал акта существовал, он мог храниться в другом месте. Отец писал, что спрятал его там, где никто не станет искать. В письме Максиму он оставил фразу: «Синяя папка укажет путь».

Синяя папка. Камера четырнадцать. Свет. Свидетель, который не отражается на записи.

Все подсказки были связаны, но Алиса пока не понимала, как именно.

Она решила начать с самого простого: найти старый акт передачи оборудования и сравнить подпись Михаила с той, что стояла в официальном реестре.

Для этого ей нужно было попасть в архив уже не как человек, который ищет тайну, а как человек, который ищет документ.

Она позвонила в новое здание городского архива и представилась родственницей бывшего сотрудника текстильного комбината. Сказала, что ей нужны сведения о передаче оборудования за определённый период. Сотрудница на телефоне попросила письменный запрос и предупредила, что часть материалов могла быть передана в ведомственный архив компании.

— А старые журналы технического отдела у вас есть? — спросила Алиса.

— Часть. Но доступ к ним ограничен. Уточните, пожалуйста, основание запроса.

Алиса назвала номер старого акта, который увидела в отцовской папке. Это был риск: если номер сохранился в базе, сотрудница могла увидеть, что документ связан с расследованием. Но ей нужно было понять, существовал ли он официально.

На другом конце зашелестели бумаги.

— Такой номер есть, — сказала сотрудница. — Однако дело помечено как выданное по запросу следственных органов пять лет назад.

— Кому именно?

— В карточке нет фамилии получателя. Только отметка о временном изъятии.

— А документ вернули?

— Согласно журналу, да. Через одиннадцать дней.

— Кто принял возврат?

— В карточке указан сотрудник архива. Павел Крылов.

Алиса медленно положила ручку на стол.

Снова Павел.

Он мог получить документ по запросу следствия. Мог вернуть его. Мог подменить оригинал копией. Или мог быть единственным человеком, который сохранил его, когда все остальные пытались уничтожить.

— Вы можете прислать мне копию карточки выдачи? — спросила она.

— Только по официальному запросу.

— Хорошо. Я подготовлю документы.

Алиса поблагодарила сотрудницу и отключилась.

Теперь у неё было достаточно причин не доверять никому.

Но недоверие само по себе ничего не доказывало.

Она открыла ноутбук и начала составлять запрос. Указала, что ищет документы, связанные с имуществом покойного отца, и приложила подтверждение родства. Это было законно и не требовало раскрывать все обстоятельства дела. Если архив выдаст карточку, она сможет

проверить дату и подпись. Если откажет, по крайней мере, узнает, что кто-то уже ограничил доступ.

Работа заняла почти час.

Когда письмо было отправлено, Алиса наконец позволила себе выпить остывший чай.

На экране появилось новое сообщение.

На этот раз с номера, который она не знала.

«Вы ищете подпись Михаила Лаврова. Не ищите её в документах. Сравните её с подписью на обратной стороне фотографии».

Алиса взяла снимок, где её отец стоял рядом с Михаилом у погрузочной платформы.

Она перевернула его.

На обороте действительно была подпись, которую она раньше не заметила. Короткая надпись с датой и двумя инициалами: «М. Л.».

Но теперь, приглядевшись, Алиса увидела ещё одну деталь. Под инициалами проступал след от стёртой строки. Кто-то пытался удалить надпись, но чернила продавили бумагу.

Она достала мягкий карандаш и аккуратно провела боковой стороной грифеля по поверхности, чтобы проявить вдавленные линии.

Постепенно стали проступать буквы.

«…ал не подписывал».

Первая часть фразы отсутствовала, но последние слова читались отчётливо.

«…ал не подписывал».

Алиса посмотрела на инициалы.

М. Л.

Михаил Лавров не подписывал?

Или это было имя другого человека, чьи инициалы совпадали?

Она сфотографировала надпись и отправила её Николаю Петровичу, попросив не пересылать никому. Затем спрятала оригинал в ящик.

В этот момент зазвонил телефон.

Номер Максима.

Алиса колебалась несколько секунд, но всё-таки ответила.

— Я знаю, что ты собираешься вечером в старый корпус, — сказал он.

Она закрыла глаза.

— Откуда?

— Мне позвонил отец.

— И что он сказал?

— Что ты получила приглашение. И что тебе нельзя туда идти.

— Он тоже хочет, чтобы я перестала искать документы.

— Да.

— Тогда почему я должна слушать его предупреждения?

— Потому что в этом случае он может быть прав.

Алиса сжала телефон.

— Максим, если ты собираешься снова попросить меня довериться тебе, не трать время.

— Я не прошу доверять мне. Я прошу выслушать.

— Говори.

— Мой отец не единственный человек, который был связан с передачей оборудования. В документах есть подпись, которую я видел всего один раз. Она принадлежала сотруднику, который официально не работал на комбинате. Но именно этот человек имел доступ к техническому архиву.

— Павел Крылов?

Максим помолчал.

— Откуда ты знаешь?

— Я проверила.

— Тогда ты понимаешь, почему я беспокоюсь.

— Я понимаю, что Павел мог быть причастен к подмене документов. Но он также помог мне найти кассету.

— Именно это и пугает.

— Почему?

— Потому что если он действительно хотел помочь твоему отцу, он мог передать запись пять лет назад. А если не хотел, то зачем хранил её всё это время?

Алиса посмотрела на футляр.

— Возможно, потому что он боялся.

— Возможно. Но есть ещё одна вещь. Павел не просто работал с камерами. Он имел доступ к журналам выдачи документов. Если он подменил акт, то мог изменить и записи о том, кто его получал.

— Ты считаешь, что он виновен?

— Я считаю, что он слишком долго оставался в тени.

— Как и ты.

Максим не стал спорить.

— Да, — сказал он. — Как и я.

Алиса неожиданно почувствовала усталость. Она устала от чужих признаний, от слов «я боялся» и «я хотел защитить». Все они пытались объяснить, почему молчали, но ни один не мог вернуть ей пять лет, которые она прожила в неведении.

— Я не знаю, кому верить, — сказала она.

— Тогда пока не верь никому. Проверяй факты. Ты всегда так делала.

Она посмотрела на свой лист с семью пунктами.

— Именно этим я и занимаюсь.

— Если ты всё-таки пойдёшь на встречу, позвони мне перед входом.

— Я не обещаю.

— Я знаю.

На этот раз Алиса не отключилась сразу.

— Максим?

— Да?

— Если ты узнаешь, что твой отец действительно причастен к гибели моего, ты сможешь дать показания против него?

Вопрос повис между ними.

— Да, — ответил он после долгой паузы.

— Даже если это разрушит твою семью?

— Она уже разрушена. Просто я слишком долго делал вид, что нет.

Алиса закрыла глаза.

Ей хотелось поверить ему. Не потому, что он сказал правильные слова, а потому, что она всё ещё помнила человека, которого любила до того, как он исчез. Но память не могла заменить доказательства.

— Я позвоню, если что-нибудь узнаю, — сказала она.

— Хорошо.

Она завершила вызов.

К восьми вечера мастерская была готова к закрытию. Алиса проверила окна, заперла переднюю дверь и оставила свет в комнате, где стоял старый магнитофон.

Оригинал кассеты лежал в металлическом ящике. На флеш-накопителе была цифровая копия записи. Ещё одну копию она сохранила в зашифрованном архиве на ноутбуке. Фотографии и записки она отсканировала и отправила на отдельный адрес электронной почты, который использовала только для важных документов.

Она не знала, достаточно ли этого. Но теперь, если с ней что-то случится, доказательства не исчезнут вместе с ней.

В половине девятого она надела тёмную куртку, убрала в сумку фонарик и блокнот и проверила телефон.

Одно новое сообщение.

«Не берите с собой оригинал. Принесите копию. Если увидите свет в окне диспетчерской, не входите через главные ворота».

Алиса перечитала текст.

Это мог быть Павел. Но она уже знала, что кто-то использует его имя и предупреждения.

Она не ответила.

Перед выходом Алиса остановилась у отцовского верстака. На стене висела фотография, сделанная много лет назад: она стояла рядом с отцом, смеясь, а он обнимал её за плечи. На заднем плане была мастерская — ещё до долгов, до угроз, до бесконечных попыток удержать то, что осталось от семьи.

— Я узнаю, что произошло, пап, — тихо сказала она. — Даже если мне придётся узнать о тебе то, чего я не хочу знать.

Она выключила свет.

На улице было темно. До старого корпуса она решила добраться пешком, меняя маршрут и не пользуясь привычными дорогами. В сумке лежала только копия записи, сделанная с кассеты, и фотография с подписью.

Когда до встречи оставалось десять минут, Алиса остановилась на противоположной стороне улицы.

Старый корпус выглядел заброшенным. Окна первого этажа были заколочены, на стенах сохранились следы ржавчины. Но в одном окне на втором этаже горел свет.

Она вспомнила предупреждение.

«Если увидите свет в окне диспетчерской, не входите через главные ворота».

Значит, кто-то был внутри.

Алиса обошла здание с торца и нашла узкий проход между стеной и старым складом. Там была металлическая дверь, почти скрытая зарослями. На ней сохранилась табличка с номером корпуса.

Она достала фонарик и посветила на замок.

Дверь была открыта.

Алиса не вошла сразу. Прислушалась.

Внутри звучал тихий голос.

— Она должна прийти.

Другой голос ответил:

— Она уже здесь.

Алиса отступила на шаг.

Она узнала второй голос.

Это был Павел Крылов.

Но первый голос принадлежал человеку, которого она меньше всего ожидала услышать.

Михаилу Лаврову.

— Вы обещали, что она не узнает о кассете, — сказал Павел.

— Я обещал, что она не получит оригинал.

— Это не одно и то же.

— Теперь уже не имеет значения. Она пришла слишком далеко.

Алиса ощутила, как кровь стучит в висках.

— А если она знает о подписи? — спросил Павел.

— Тогда нам придётся объяснить ей, почему Сергей решил доверить документ человеку, который не мог его подписать.

— Вы всё ещё собираетесь отрицать очевидное?

Михаил помолчал.

— Я отрицаю только то, чего не делал.

— А то, что сделали?

— За это я уже заплатил.

Алиса медленно подняла телефон и включила запись.

Затем толкнула дверь.

Оба мужчины обернулись.

Павел побледнел. Михаил остался неподвижен.

— Добрый вечер, Алиса, — сказал он. — Я полагаю, теперь мы можем поговорить без недомолвок.

Она вошла и закрыла дверь за собой.

— Да, — ответила Алиса. — Начнём с самого простого. Кто подписал акт передачи оборудования?

Михаил посмотрел на Павла.

Павел отвёл глаза.

И в этот момент Алиса поняла: они оба знали ответ.

Но каждый из них боялся назвать одно и то же имя.

Глава 10. Под чужой подписью

— Ну же, — сказала Алиса. — Кто подписал акт?

Она стояла возле двери, не снимая куртки. Телефон оставался в кармане, диктофон был включён. Алиса не собиралась сообщать мужчинам, что записывает разговор. Если они действительно боялись правды, то сейчас могли сказать больше, чем собирались.

Михаил Лавров медленно поднялся со стула.

— Прежде чем я отвечу, уберите телефон.

— Нет.

— Алиса, вы не понимаете, с чем имеете дело.

— Это вы не понимаете. Пять лет я жила с мыслью, что мой отец погиб в обычной аварии. Потом появился человек, который рассказал, что авария могла быть не случайной. Потом я нашла документы, кассету, фотографии. Каждый из вас знает часть правды, но никто не желает назвать её целиком.

Она посмотрела сначала на Михаила, затем на Павла.

— Я больше не собираюсь просить вас о помощи. Вы либо говорите, либо я ухожу и передаю всё, что у меня есть, следователю.

Павел нервно усмехнулся.

— Какому следователю? Тому, который пять лет назад закрыл дело за неделю?

— Найду другого.

— И думаете, это что-то изменит?

— Не знаю. Но я хотя бы попробую.

Михаил бросил на Павла короткий взгляд.

— Вы можете оставить нас наедине?

— Нет, — ответила Алиса прежде, чем Павел успел открыть рот. — Он останется.

Михаил помолчал, затем снова сел.

— Хорошо. Акт передачи оборудования подписал Андрей Мельников.

Алиса нахмурилась.

— Бухгалтер?

— Нет. Его старший брат.

— Но вы сказали, что на документе стояла ваша подпись.

— На копии — моя. На оригинале — Андрея Павловича Мельникова.

— Тогда почему в реестре указан другой человек?

— Потому что подпись на оригинале признали недействительной.

— Кто признал?

— Комиссия, созданная после внутренней проверки. В документах значилось, что Мельников не имел полномочий подписывать акт. Но его подпись подтверждала, что оборудование действительно поступило на склад.

Алиса достала фотографию и положила на стол.

— Тогда объясните это.

Михаил посмотрел на снимок. Его лицо изменилось едва заметно, но Алиса заметила, как напряглась челюсть.

— Где вы взяли фотографию?

— В ячейке, которую мой отец оставил для меня.

— Значит, Сергей всё-таки успел спрятать материалы.

— Он успел спрятать больше, чем вы думали.

Михаил долго рассматривал фотографию, словно надеялся найти на ней что-то новое.

— Эта фотография сделана за три дня до аварии, — сказал он. — Андрей тогда передал Сергею копию акта и предупредил, что в официальном реестре уже появилась другая версия документа.

— Кто её изменил?

— Этого я не знаю.

— Но вы знаете, кто имел доступ к реестру.

— Несколько человек.

— Назовите их.

— Сергей Воронцов. Я. Павел Крылов. Два сотрудника бухгалтерии. И Виктор Орлов, хотя формально он не должен был иметь к этим документам никакого отношения.

— А Максим?

— Максим мог получить доступ к некоторым копиям через мою компанию. Но в то время он не работал с реестром напрямую.

Алиса повернулась к Павлу.

— А вы?

Павел провёл ладонью по лицу.

— Я обслуживал оборудование. Мог подключиться к системе и посмотреть записи, но не имел права менять финансовые документы.

— Зато могли изменить запись с камеры.

— Мог.

— И могли удалить её.

— Мог.

— Вы понимаете, что это звучит как признание?

— Я понимаю, что вы хотите найти виновного. Но я не собираюсь признавать то, чего не делал.

— Тогда почему вы помогли мне открыть ячейку?

— Потому что там лежало то, что ваш отец хотел сохранить.

— Откуда вы знали, что именно там?

Павел посмотрел на Михаила.

Тот молчал.

— Потому что я сам положил туда футляр, — наконец ответил Павел.

Алиса почувствовала, как сжалось горло.

— Вы?

— Да.

— Значит, вы знали о кассете все эти годы.

— Я знал, что Сергей оставил носитель. Но не знал, сохранился ли он.

— Почему не передали его полиции?

— Потому что полиция уже получала запись. И после этого оригинал исчез.

— Вы утверждаете, что кто-то из полиции уничтожил доказательство?

— Я утверждаю, что носитель, который я передал следователю, не был тем, что я ему отдал.

Алиса медленно села.

Теперь история приобретала другой смысл. Павел не просто знал о существовании записи. Он мог быть тем, кто сохранил её после того, как первая копия исчезла.

Но оставался вопрос: почему он ждал пять лет?

— Вы могли найти меня раньше, — сказала она.

— Мог.

— Почему не нашли?

— Потому что за вами следили.

— Кто?

— Сначала люди Орлова. Потом я заметил, что за вами наблюдают ещё и другие.

— Какие другие?

— Я не знаю. Однажды возле вашего дома стоял человек, которого я видел на территории комбината в ночь аварии. Потом он исчез. Через несколько месяцев я узнал, что он работает в охранной компании, которая обслуживает объекты Орлова.

— И вы решили ничего не делать?

— Я решил, что любое моё появление рядом с вами только привлечёт внимание.

— Очень удобно.

Павел опустил голову.

— Я не жду, что вы мне поверите.

Алиса достала листок со словом «Свет» и положила перед ним.

— Что это значит?

Павел посмотрел на бумагу.

Впервые за весь разговор его лицо выразило настоящее удивление.

— Откуда у вас это?

— Из футляра.

— Вы нашли вторую записку?

— Нашла. На кассете отец говорит: «Если что-то случится, ищи свет».

Павел медленно взял листок, но не прикоснулся к нему пальцами — только наклонился, чтобы рассмотреть.

— Это не записка, — сказал он. — Это часть маркировки.

— Чего?

— Носителя. В старой системе видеонаблюдения использовались обозначения каналов и режимов записи. «Свет» мог означать канал подсветки, но я не могу сказать наверняка без оригинального журнала.

— То есть камера четырнадцать записывала не только обычное изображение?

— В некоторых режимах она сохраняла дополнительный технический поток. Данные о включении подсветки, времени переключения, потере сигнала. Если кто-то пытался удалить изображение, технический журнал мог сохраниться отдельно.

Алиса посмотрела на Михаила.

— Вы знали об этом?

Он медленно покачал головой.

— Я не занимался системой видеонаблюдения.

— Но вы знали, что запись существует.

— Да.

— И знали, что её пытались уничтожить.

— Да.

— Тогда почему не сообщили об этом раньше?

— Потому что не хотел, чтобы вы нашли то, что могло поставить под угрозу Максима.

Алиса ощутила, как в груди вспыхнула злость.

— Вы всё время прикрываетесь сыном. Вы защищали его, скрывая правду. Защищали меня, скрывая правду. А моего отца вы тоже так защищали?

— Нет.

— Тогда что вы сделали?

Он посмотрел на неё долгим тяжёлым взглядом.

— Я подписал документ, который не должен был подписывать.

Алиса замерла.

— Какой?

— Акт о передаче оборудования. Тот самый, который потом оказался поддельным.

— Но вы только что сказали, что оригинал подписал Мельников.

— Я подписал другую версию. Через два дня после того, как Андрей передал документы Сергею. В моей версии было указано, что оборудование принято в полном объёме и передано конечному получателю.

— Хотя его не было?

— Часть оборудования действительно существовала. Но не всё. Я знал, что количество не сходится. И всё равно подписал акт.

— Почему?

— Орлов сказал, что это временная мера. Что недостающие единицы оформят позже, что поставка задержалась и бухгалтерия исправит расхождения. Я хотел верить, что речь идёт о нарушениях в учёте, а не о преступлении.

— А когда поняли?

— Когда Сергей показал мне копию оригинала.

— И что вы сделали?

Михаил не ответил.

— Что вы сделали? — повторила Алиса.

— Я попросил его не передавать документы полиции.

На несколько секунд в комнате стало совершенно тихо.

— Вы пытались заставить его молчать.

— Да.

— А потом он погиб.

Михаил закрыл глаза.

— Да.

Алиса отодвинулась от стола.

— Вы понимаете, что это не оправдание?

— Понимаю.

— Вы понимаете, что я могу передать вашу запись следователю?

— Понимаю.

— Тогда почему вы всё ещё здесь?

Михаил открыл глаза.

— Потому что я не знаю, кто убил Сергея. Но знаю, что человек, который это сделал, до сих пор ищет оригинал акта. И если вы передадите все материалы сразу, он узнает, что вы нашли футляр.

— Почему?

— Потому что у него есть доступ к информации, которая не должна была покинуть архив.

Павел резко поднял голову.

— Михаил, хватит.

— Нет, — ответил тот. — Она имеет право знать.

— Вы уже достаточно сказали.

— Пять лет я молчал. Больше не собираюсь.

Михаил повернулся к Алисе.

— В ночь аварии я получил звонок от Орлова. Он сказал, что Сергей собирается передать документы человеку из следственной группы. Я приехал на склад, чтобы забрать у Сергея копию акта и убедить его подождать. Когда я добрался до места, его машина уже уехала.

— Вы видели, кто был рядом с ним?

— Нет. Но видел другую машину у ворот.

— Чёрный внедорожник?

— Да.

Алиса вспомнила фотографию. Машина без переднего номера.

— Вы знали, кто на ней приехал?

— Я видел водителя.

— Кто это был?

Михаил сжал губы.

— Я не уверен.

— Вы только что сказали, что видели его.

— Я видел лицо, но не могу утверждать, что правильно его запомнил. Это был человек, которого я знал много лет назад. После той ночи я больше его не встречал.

— Имя.

Михаил долго молчал.

— Виктор Орлов сказал мне, что этот человек погиб ещё до аварии.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Значит, Орлов знал, кто был за рулём.

— Возможно.

— И вы до сих пор не сказали мне его имя.

— Потому что мне нужно проверить одну вещь.

— Какую?

Михаил посмотрел на Павла.

— Я хочу знать, действительно ли он погиб.

Павел резко встал.

— Мы договорились не втягивать её в это.

— Договорились? — Алиса тоже поднялась. — Вы двое обсуждали мою жизнь за моей спиной?

— Нет, — ответил Павел.

— Тогда что вы обсуждали?

Он посмотрел на Михаила, затем на Алису.

— Мы обсуждали человека, которого никто не должен был увидеть на записи.

— Кто он?

Павел провёл рукой по волосам.

— Сергей называл его Смотрителем.

— Это имя?

— Нет. Прозвище. Он появлялся на складе без пропуска, знал все входы и выходы и никогда не попадал в журналы доступа. Я несколько раз видел его на мониторах, но когда проверял камеры, записи оказывались пустыми.

— Вы хотите сказать, что он умел обходить систему?

— Да. Или кто-то помогал ему это делать.

Алиса вспомнила слова из записки: «Свидетель, который не отражается на записи».

— Он мог попасть в кадр через отражение?

Павел кивнул.

— Возможно. В диспетчерской было большое стеклянное окно. Если человек стоял за камерой, его можно было увидеть только в отражении. Именно поэтому Сергей написал про свет. Он хотел, чтобы мы смотрели не на саму картинку, а на то, что камера случайно сохранила вокруг неё.

— И вы всё это время знали?

— Я подозревал. Но без технического журнала не мог доказать.

— Где он?

Павел посмотрел на Михаила.

— В синей папке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.